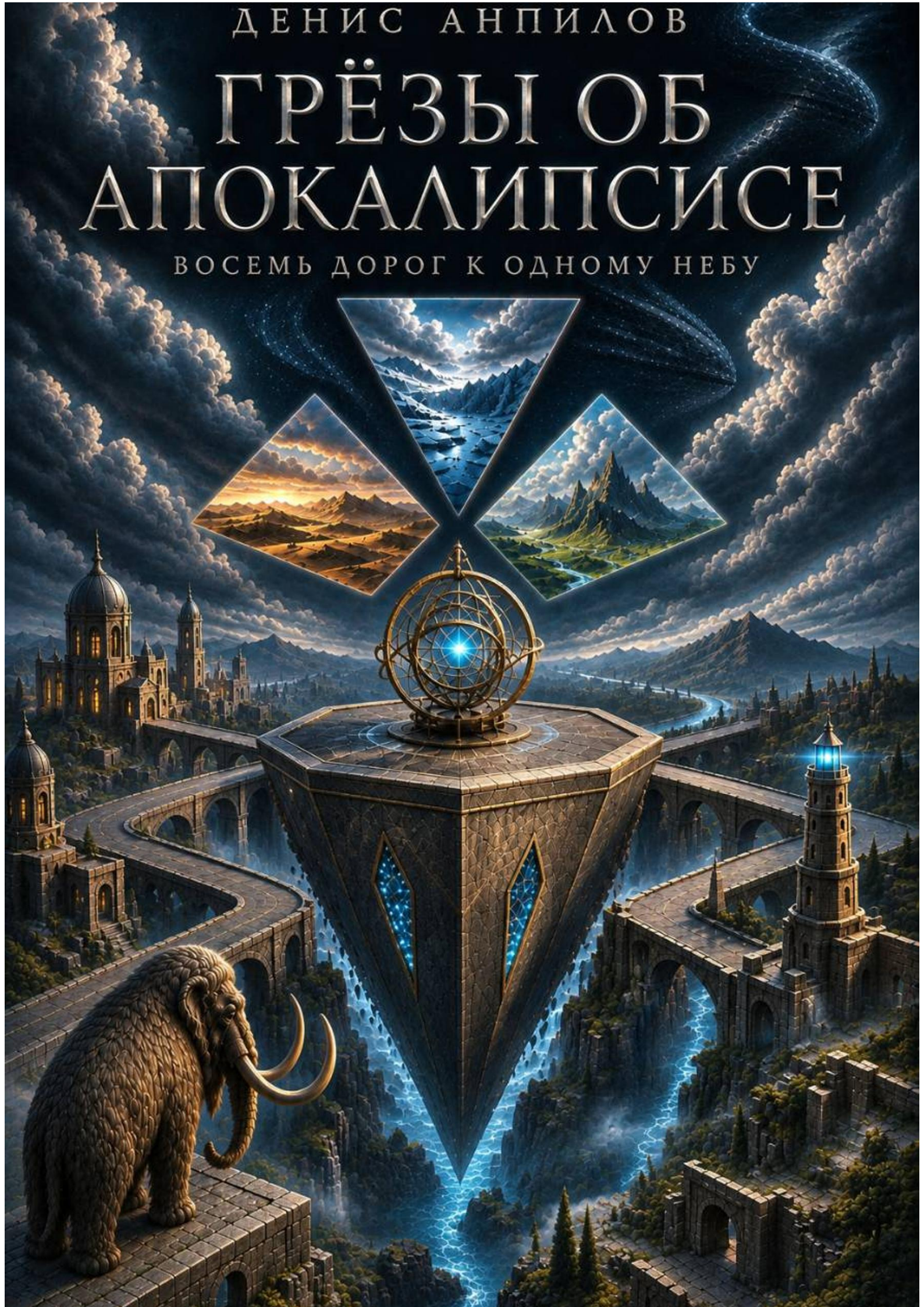
ДЕНИС АНПИЛОВ

ГРЁЗЫ ОБ АПОКАЛИПСИСЕ

ВОСЕМЬ ДОРОГ К ОДНОМУ НЕБУ

Денис Анпилов

Грёзы об Апокалипсисе. Восемь дорог к одному небу

«Автор»
2026

Анпилов Д. В.

Грёзы об Апокалипсисе. Восемь дорог к одному небу /
Д. В. Анпилов — «Автор», 2026

В университетском музее Хоськов древние артефакты давно стали привычными экспонатами. Но решение задачи о четвёртом измерении открывает Сынку и его отцу путь туда, куда не должна вести ни одна дверь.За границей знакомого мира — города-призраки, следы исчезнувших цивилизаций и чужая память, в которой сохранилось больше, чем в человеческих легендах. Дневник, написанный несколькими поколениями, помогает искать дорогу. Медальон связывает Сынка с силами, чьи намерения ему ещё предстоит понять.Чтобы пройти этот путь, мало узнать, что произошло в прошлом. Нужно решить, кому доверять и чем готов пожертвовать ради тех, кто рядом. Ведь за историей древних миров скрывается вопрос, от которого зависит будущее живых: кому принадлежит жизнь — тому, кто её создал, или тому, кто её проживает?

© Анпилов Д. В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ 5
ГЛАВА 2. ПО ТУ СТОРОНУ 13
Глава 3. Дневник 20
ГЛАВА 4. ШАМБАЛА 33
ГЛАВА 5. ТОТ, КТО ДОЖДАЛСЯ 48
ГЛАВА 6. ХОСЬКИ 62
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Денис Анпилов
Грёзы об Апокалипсисе.
Восемь дорог к одному небу

ГЛАВА 1. ЧЕТВЁРТОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Хоськи стояли между Чёрным и Каспийским морями, но ни одного из них из города не было видно.

На западе дорога уходила через перевалы к Чёрному морю, на востоке — к Каспийскому. Прежде по ней двигались караваны и армии, теперь — автобусы, грузовики и редкие туристы.

Старые кварталы спускались по склонам долины: узкие улицы, арки без стен, дома с внутренними дворами. Вдоль трассы вытянулись пятиэтажки, рынки и автомастерские.

Хоськи много раз разрушали и строили заново. В подвалах находили обломки колонн, монеты и замурованные проходы. Сообщать о них не спешили: после приезда археологов ремонт мог остановиться на годы.

По легенде, первый город возник здесь ещё тогда, когда оба моря составляли одно. Его имя не сохранилось; в поздних рукописях осталось только: Священный город между двумя морями. Сюда приходили за советом богов и провожали умерших в другой мир.

В центре Хоськов стоял университет.

Если смотреть с горы, казалось, что город строили вокруг него. Старые улицы расходились от главного корпуса лучами, соединялись поперечными переулками и образовывали несколько неправильных колец. Историки утверждали, что такая планировка существовала ещё до основания университета, но никто не мог объяснить, что находилось в её центре прежде.

К северу от Университета, за небольшой площадью и чугунными воротами, начинался парк. Его аллеи сходились у круглого фонтана, работавшего только летом, и тянулись к площади перед домом Сынка. Через парк он добирался на занятия за двадцать минут; автобус делал большой крюк вокруг старого центра.

Сынок знал каждую короткую тропу и фонарь, начинавший мигать раньше остальных. Университет появлялся за деревьями только на последнем повороте.

Главный корпус стоял посреди почти правильного квадрата около трёхсот метров в поперечнике. Пять других располагались по периметру. Их перестраивали столетиями, но ограда проходила там же, где на самых ранних планах.

Университет возник в начале пятнадцатого века из школы геометрии, астрономии и врачевания. По преданию, та стояла на месте древней обсерватории.

Главный корпус перестраивали столетиями. Его нижние этажи были сложены из огромных тёмных блоков, над которыми возвышались светлые стены, колоннада и часовая башня. Сбоку к зданию примыкала обсерватория с потемневшим медным куполом.

Университет одновременно являлся музеем.

Экспозиция начиналась сразу за центральным входом. Вдоль коридоров стояли стеклянные витрины с предметами, найденными при перестройках корпуса и раскопках в окрестностях Хоськов: глиняными табличками, бронзовыми украшениями, обломками статуй и инструментами неизвестного назначения.

Под большинством экспонатов помещались таблички с одинаково осторожными пояснениями:

«Предположительно ритуальный предмет».

«Назначение не установлено».

«Культура неизвестна».

Студенты почти не обращали на древности внимания. Возле витрин назначали встречи, на основания статуй ставили сумки, а рядом с каменным саркофагом первого этажа постоянно собиралась очередь в деканат. За сотни лет реликвии стали такой же привычной частью университета, как запах мела, скрип половиц и расписание занятий.

Через главный вестибюль проходили четыре древние колонны. Современные перекрытия держались на собственных опорах, и колонны давно ничего не поддерживали. Их оставили только потому, что при одной из перестроек не смогли вытащить из фундамента.

Поверхность тёмного камня покрывали линии, окружности и вложенные друг в друга фигуры. Одни исследователи считали узор картой звёздного неба, другие — неизвестным календарём.

Между геометрическими знаками почти терялись две одинаково крылатые фигуры. Одна держала над ладонями росток, другая — пламя над расколотым камнем. Сынок с детства принимал их за обычный орнамент и ни разу не спросил, почему у каменных существ были человеческие руки.

Отец однажды сказал, что это больше похоже на геометрическую задачу.

В центре вестибюля лежала мозаика, изображавшая древний город. От круглой площади расходились восемь дорог, повторявших расположение современных улиц. По краям сохранились пять странных сооружений: гладкая пирамида, ступенчатый храм, башня, каменный цветок и гора, направленная вершиной вниз. На местах ещё трёх остались только стёртые углубления, будто изображения когда-то намеренно выскоблили.

Внешнее кольцо мозаики напоминало то ли стену, то ли свернувшееся вокруг города длинное тело. На уцелевшем участке угадывался ряд чешуек; там, где должна была находиться голова, камни выкрошились. Отец однажды назвал кольцо линией замыкания и тут же перевёл разговор на устройство полов.

Сынок ходил по этой мозаике почти каждый день и никогда над ней не задумывался.

Шёл 2007 год. Он заканчивал пятый курс физико-математического факультета. Отец преподавал там геометрию и математическую физику, руководил исследовательской лабораторией и считался одним из самых уважаемых профессоров университета.

На тот же факультет Сынок поступил почти автоматически. С детства он видел доски, покрытые отцовскими формулами, и слышал разговоры о времени, пространстве и природе Вселенной.

Отец учил его геометрии раньше, чем тот узнал само это слово.

Он вырезал из картона фигуры, складывал из них кубы и пирамиды, а потом снова разворачивал на столе. Просил представить сечение яблока, не разрезая его, или определить, где окажется грань после нескольких поворотов.

Больше всего Сынку нравилась игра с тенями. Отец ставил предмет перед лампой и медленно вращал.

— Круг, — говорил Сынок.

— А отбрасывает его цилиндр.

Отец поворачивал предмет.

— Теперь прямоугольник.

— Тот же цилиндр.

— Значит, тень врёт?

— Нет. Просто она знает о предмете меньше, чем мы.

Отец почти никогда не требовал немедленного ответа и редко повышал голос. Он был добрым, улыбчивым, но по-своему замкнутым человеком. В обычной жизни постоянно уходил в собственные мысли: забывал о встречах, не замечал ремонта в доме и мог пройти мимо знакомого.

Лучше всего им разговаривалось в дороге или когда в Хоськах отключали электричество. Отец зажигал свечу, закрывал книгу и словно возвращался из своего внутреннего мира. Они могли часами обсуждать древние цивилизации, другие планеты, человеческую душу и существование Бога.

Отец много читал. Особенно любил вестерны — истории о молчаливых всадниках, затерянных городах и людях, отправлявшихся за золотом, но находивших нечто совсем другое.

Ещё он мечтал путешествовать.

На стене домашнего кабинета висела большая карта с карандашными отметками. Египет, Тибет, Центральная Америка, острова двух морей. Рядом с некоторыми названиями стояли даты, возле других — вопросительные знаки и короткие формулы.

— Когда-нибудь съездим, — часто говорил Отец.

Но почти никуда не выезжал. Годы проходили среди лекций, книг и расчётов.

Сынок унаследовал его способности, но строгая наука интересовала его меньше компьютерных игр и выдуманных вселенных. Вместо конспектов он рисовал карты несуществующих государств, придумывал древние расы и пытался построить идеальные общества.

В созданных им мирах всё имело предназначение. Войны происходили по понятным причинам, правители получали заслуженную власть, а герой всегда находил правильное решение.

До защиты диплома оставался месяц. Отец стал его научным руководителем и предложил тему, связанную с собственной многолетней работой:

«Геометрические условия замыкания энергетических потоков в многомерном пространстве».

Исходные данные поступали из закрытой лаборатории. В документах не объяснялось, что именно измеряли приборы. Сынок видел только числа, схемы и распределение энергии внутри объекта пирамидальной формы.

Энергия входила через широкое основание, двигалась к вершине и исчезала. При этом почти одновременно такой же поток возникал возле основания. Отец много лет пытался построить модель, не нарушавшую законы сохранения.

За несколько вечеров Сынок нашёл модель, в которой исчезновение энергии переставало быть противоречием.

Он ещё не знал, описывает ли она настоящую установку. В обезличенных расчётах он увидел пространственную головоломку и позволил себе поворот, который без проверки оставался только догадкой.

Для работы с закрытыми данными Отец оформил ему временный пропуск ассистента профессора. Внешняя лаборатория располагалась в новом подземном крыле университета. Туда допускали аспирантов, технических специалистов и приглашённых консультантов. Они получали обезличенные данные и не знали, откуда те поступают.

В тот вечер Сынок принёс расчёты и несколько старых журналов о пирамидах мира. Они были нужны ему для очередной компьютерной игры: он собирался придумать столицу исчезнувшей цивилизации.

Отец сидел за столом и читал вестерн.

— Ты опять занимаешься посторонними вещами? — спросил Сынок.

— Готовлюсь к путешествию.

— Куда на этот раз?

Отец показал обложку, на которой всадник ехал через пустыню.

— Пока туда.

Сынок выложил на стол диплом.

Отец надел очки и начал читать. Через несколько минут постучал пальцем по странице:

— Здесь знак потерял.

— Я поменял направление оси.

— Тогда нужно было написать.

— Думал, и так видно.

— Тебе видно. Формула о твоих мыслях ничего не знает.

Он перевернул страницу.

— Энергия по-прежнему исчезает в вершине.

— Не исчезает.

— Тогда где она?

— Возвращается к основанию.

Отец поднял глаза:

— В трёхмерной модели такой траектории нет.

— Поэтому я добавил ещё одно направление.

— Время?

— Пространственное.

Сынок развернул к нему лист. На нём была изображена пирамида, пересечённая несколькими линиями. Часть линий обрывалась у вершины и возвращалась с противоположной стороны.

— Мы считаем вершину и основание удалёнными точками, — объяснил он. — Но только потому, что видим три измерения. В четвёртом они могут соприкасаться. Поток проходит через направление, которое мы не воспринимаем.

Отец изучил уравнения.

— Слишком просто.

— Зато ничего не исчезает.

— Всё опасное сначала кажется простым.

Он отложил лист, однако к книге не вернулся.

Сынок открыл журнал на схеме пирамиды Хеопса. Дальше находились планы сооружений майя, месопотамских зиккуратов и предполагаемых пирамидальных комплексов Азии.

Авторы сравнивали размеры, углы, ориентацию по сторонам света и пропорции внутренних камер. Несколько страниц были посвящены золотому сечению, хотя приведённые числа совпадали с ним лишь приблизительно.

— Они неправильно сравнивают, — произнёс он.

— Кто?

— Авторы. Ищут одинаковые сооружения. Но одинаковыми должны быть не формы.

Он положил рядом журнал и схему энергетического поля.

— Посмотри на отношения углов между коридорами. Если привести размеры к одной единице, получается одна последовательность. Такая же, как в нашей модели.

Отец придвинул журнал.

— Откуда эти числа?

— Сам посчитал.

— Зачем?

— Было интересно.

Юноша раскрыл следующий журнал. Поверх страниц он положил прозрачные листы с геометрическими построениями.

— В трёх измерениях схемы не совпадают. Но помнишь наши тени? Круг и прямоугольник могут быть проекциями одного цилиндра.

— Разумеется.

— А если эти пирамиды тоже проекции? Точнее, сечения. Один четырёхмерный объект пересекает наше пространство в разных местах и под разными углами. Поэтому мы видим разные сооружения, но отношения между внутренними линиями сохраняются.

Отец перестал листать журнал.

— Какой объект?

Сынок открыл диплом на странице с решением:

— Четырёхмерная пирамида.

Несколько секунд Отец смотрел на расчёты. Потом взял остальные журналы, быстро сравнил выписанные значения и подошёл к доске.

Мел застучал по чёрной поверхности.

— Это не золотое сечение, — произнёс он.

— Нет.

— Это постоянный угол, спроецированный из четвёртого измерения.

Отец дописал последнюю строку и замер.

Сынок увидел, как разрозненные мысли соединяются у него в голове.

— Ты понимаешь, что сделал? — спросил Отец.

— Решил диплом?

Отец внезапно поднялся. Стул опрокинулся, но он не заметил. Схватил журналы, расчёты и прозрачные листы.

— Идём.

— Куда?

— Проверять.

Они вышли из внешней лаборатории. Вместо лестницы наверх Отец направился к металлической двери в конце коридора. Сынок всегда считал, что за ней находится техническое помещение.

У двери дежурил вооружённый охранник.

Он проверил пропуск Отца, затем карточку Сынка.

— У ассистента второй уровень. Дальше нельзя.

— Он идёт со мной, — сказал Отец.

— Не могу пропустить.

— Можете. Ответственность я принимаю.

— Оформляйте дополнительный допуск.

— Сколько займёт согласование?

— Несколько часов.

Отец посмотрел на часы:

— Через двадцать семь минут начнётся максимальное схождение расчётных линий. Оно продлится меньше девяти минут. Следующее ожидается через трое суток, но при нынешнем росте поля я не гарантирую устойчивость объекта.

— Я исполняю инструкцию.

— Нет. Вы принимаете решение и прячетесь за инструкцией. Назовите фамилию, звание и имя начальника смены. Я внесу в журнал, что вы задержали проверку расчёта, связанного с безопасностью Хоськов.

Сынок никогда не видел Отца таким. Тот говорил негромко, но от привычной мягкости не осталось ничего.

— Не давите на меня, профессор.

— Я перечисляю последствия. Если расчёт ошибочен, мы потеряем несколько минут. Если верен, а вы нас остановите, объект может открыться без контроля. Над нами находится город. Вы готовы отвечать за него вместо руководителя проекта?

Охранник посмотрел на папку в руках Сынка:

— Он хотя бы понимает, куда идёт?

— Он единственный, кто понял геометрию, которую мы собираемся проверить.

После короткого разговора с начальником смены охранник открыл дверь.

— Под вашу личную ответственность.

За дверью находился шлюз, а за ним — служебный коридор, спускавшийся к подвальному уровню главного корпуса.

Коридор закончился на смотровой площадке.

За толстым стеклом раскрывалась огромная шахта. Её стены терялись внизу, в холодном свете прожекторов. Вдоль камня уходили металлические фермы, кабели и узкая аварийная лестница с промежуточными площадками. Рядом со стеклом висела прозрачная кабина лифта. Направляющие спускались почти на сорок метров — туда, где из темноты поднимались вершины древних колонн.

Сынок подошёл к стеклу. Только теперь он понял, что подвал находился не под землёй в обычном смысле. Он висел над раскопом.

— Это всё под главным корпусом?

— Только центральная часть, — ответил Отец. — Края сооружения уходят под остальные корпуса.

Лифт не имел обозначенных кнопок. Они вошли, стеклянные двери сомкнулись, и кабина пошла вниз вдоль стены шахты.

— Что за объект? — спросил он.

Отец держал папку с расчётами перед собой.

— Геометрический.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Лифт спускался слишком долго.

Сквозь прозрачные стены Сынок видел, как наверху уменьшается смотровая площадка. Мимо проплывали слои городской земли, старые кладки и основания более поздних зданий. Четыре тёмные колонны поднимались от самого дна и исчезали в фундаменте главного корпуса. Их верхние обломки он каждый день видел в университетском вестибюле, не подозревая, насколько глубоко они уходят.

Когда двери открылись, Сынок увидел огромный подземный зал. Он был пуст. Охрана осталась за верхним шлюзом, а сотрудники внешней лаборатории не имели сюда доступа.

Зал существовал задолго до университета. Ряды древних колонн уходили в полумрак и поднимались к перекрытиям шахты. Между ними проходили современные укрепления, однако даже на первый взгляд было понятно: строители университета не случайно поставили главный корпус именно здесь. Часть его фундамента опиралась на древние колонны, хотя между самим зданием и каменным полом лежали десятки метров пустоты.

Каменный пол покрывали геометрические фигуры. Треугольники, окружности и многогранники соединялись тонкими линиями, образуя рисунок огромной сложности. Некоторые линии уходили под стены, словно зал являлся только видимой частью конструкции.

В центре стояло отдельное кольцо из двенадцати колонн. Они окружали круглую площадку, на которой сходились почти все линии пола. Колонны были целыми копиями тех тёмных обломков, что проходили через вестибюль университета.

Мини-лабораторию разместили в дальнем углу зала. Несколько столов, вычислительные стойки и управляющий пульт казались временными среди древнего камня. По всему помещению стояли датчики, камеры и измерительные приборы. Кабели тянулись вдоль пола к центральному кругу.

Сынок оглядел зал.

— Где пирамида?

Отец указал на испещрённый фигурами пол:

— Мы стоим на открытом участке её основания. Вершина направлена вниз и уходит глубже, чем способны увидеть приборы.

Он вывел на ближайший экран план университетского комплекса. В центре находился главный корпус, по краям — ещё пять. Поверх них легла почти правильная квадратная фигура.

— Основание около двухсот восьмидесяти метров, — сказал Отец. — Почти вся территория университета. Главный корпус стоит над центральной осью, остальные отмечают узлы по периметру.

— Значит, университет построили, чтобы её скрыть?

— Или чтобы сохранить. Мы не знаем. Но его ограда почти точно повторяет границы основания.

— Университет держится на пирамиде и этих колоннах?

— Частично — на колоннах. Сама пирамида начинается примерно на сорок метров ниже подвалов. Поэтому её так долго и не находили. При перестройках вскрывали отдельные стены, шахты и верхушки опор, но никто не видел сооружение целиком.

Отец подвёл его к пульту в углу. На экране появились знакомые схемы энергетических потоков.

— Данные для моего диплома получены отсюда?

— Да.

В голосе Отца впервые прозвучала вина.

— Почему ты мне не сказал?

— Не имел права.

— А теперь имеешь?

Отец посмотрел на журналы:

— Теперь я не уверен, что у нас осталось время спрашивать разрешение.

Схемы пирамид загрузили в систему. Сынок ввёл найденные отношения и добавил четвёртую координату.

В трёхмерной модели сооружения пересекались и разрушали друг друга. Тогда он изменил способ отображения.

Египетская, азиатская, американская и неизвестная подземная пирамиды разошлись в направлении, которое монитор не мог показать. На экране осталась только меняющаяся тень более сложной фигуры.

Энергетические линии замкнулись.

В зале сработал сигнал.

— Отключить? — спросил он.

Отец смотрел на показания:

— Нет. Поле стабильно.

Оранжевый свет побежал по линиям каменного пола. Геометрические фигуры загорались одна за другой, пока весь зал не превратился в огромную схему. Затем вспыхнули двенадцать центральных колонн.

Воздух внутри каменного кольца задрожал. Круглая площадка исчезла, словно её поверхность повернулась в направлении, которого не существовало в привычном пространстве.

В центре зала раскрылась узкая вертикальная щель — слишком тесная, чтобы назвать её дверью, но достаточно широкая, чтобы заглянуть на другую сторону.

Там, где должна была находиться земля, появилось голубое небо. Под ним стоял древний город: белые башни, широкие площади и кольца зданий, расходившиеся от центра.

Город был мёртв. В каналах не осталось воды, двери дворцов стояли открытыми, а пустые улицы медленно заносило светлой пылью.

Сынок узнал центральную площадь. На месте главного корпуса университета возвышалось огромное здание с колоннами и прозрачным куполом. От него расходились те же улицы, которыми он ходил на занятия. Даже узкий переулок возле старой обсерватории сохранил свой изгиб.

Это были Хоськи.

Не похожий город и не его приблизительный прообраз, а те же Хоськи во времена Пелбеков. Новые здания исчезли, древние вернулись, но центр и направление улиц остались прежними.

По пустой площади внезапно прошла толпа. Полупрозрачные люди возникли из воздуха, пересекли улицу и исчезли внутри стены. На несколько секунд сухие каналы наполнились водой, а над башнями пришли в движение кольца неизвестных механизмов. Затем всё снова замерло.

— Запись, — произнёс Отец.

Один из исчезающих прохожих остановился и повернул голову к открытой щели.

Сынок почувствовал, что тот смотрит прямо на него.

— Не только запись, — сказал он.

И вся пирамида пришла в движение.

ГЛАВА 2. ПО ТУ СТОРОНУ

Движение началось без звука.

Оранжевые линии на полу погасли, зато в глубине раскрытого пространства одно за другим пришли в движение кольца над башнями. Огромные, слишком далёкие, чтобы различить их устройство, они поворачивались с медленной неизбежностью небесных тел. Вместе с ними менялся свет. Голубое небо мёртвого города темнело по краям, а камни площади то приближались, то отступали, словно Сынок смотрел на них через воду.

Он сделал шаг к кругу колонн.

Отец схватил его за плечо.

— Не подходи.

— Тот человек нас видел.

— Возможно.

— Ты сказал, это запись.

— Я сказал то, что мы предполагали.

На пульте один за другим вспыхивали красные индикаторы. Сначала сработал датчик у центрального круга, затем дальний, возле лифта, потом сразу все датчики вдоль восточной стены. Цифры менялись так быстро, что Сынок не успевал понимать их смысл.

Отец отпустил его и подбежал к экрану.

— Поле растёт.

— Ты же говорил, оно стабильно.

— Было стабильно.

Из раскрытой щели дохнуло сухим горячим воздухом. По залу покатился светлый песок. Несколько песчинок ударились о корпус ближайшего прибора и остались на нём.

Сынок снял одну пальцем.

— Записи не приносят песок.

Отец ничего не ответил. Он перебирал окна на экране, сравнивал графики и снова возвращался к четырём координатам. Три значения стояли неподвижно. Четвёртое колебалось, перескакивая через десятки знаков.

— Мы открыли не изображение, — произнёс он наконец. — Мы развернули участок пространства.

— Закрывай.

Отец нажал клавишу аварийного отключения.

Ничего не произошло.

Он нажал ещё раз, удерживая кнопку. В глубине пирамиды прокатился низкий гул. Пол под ногами вздрогнул, с одного из древних сводов посыпалась каменная крошка, но щель осталась на месте.

— Почему он не закрывается?

— Потому что мы задали положение входа, но не знаем положения выхода.

— Он перед нами.

— Мы видим его проекцию. Для системы этого недостаточно.

Отец быстро вывел на экран схему. Четырёхмерная фигура вращалась, оставляя после себя несколько пересекающихся теней. Одна из них совпадала с планом подземного зала, другая — с городом за щелью. Между ними дрожала незамкнутая линия.

— Мы указали, откуда смотреть, — сказал Отец. — Но не определили, где находимся с той стороны. Без второй точки врата не могут решить, какое из положений настоящее.

Гул усилился. Древние колонны задрожали, а бетонные опоры главного корпуса ответили им частой мелкой вибрацией.

— И что будет?

— Пространства продолжат совмещаться.

— Это плохо?

Отец посмотрел вверх.

— Над нами университет.

С потолка упал кусок штукатурки и разбился между ними.

На стене загорелась лампа внутренней связи. Из динамика донёсся треск, затем чей-то голос:

— Центральный пост вызывает нижний уровень. Профессор, вы меня слышите?

Отец нажал кнопку.

— Слышу. Начинайте эвакуацию главного корпуса. Немедленно.

— У нас нарушение периметра. Западный вход не отвечает. Кто-то проник на территорию.

На одном из служебных экранов ещё работали камеры. Западный вход уже занимали тёмные фигуры. Другая группа спускалась к шахте лифта, третья исчезла в служебном проходе, о котором не знали даже многие сотрудники. Они не искали дорогу и не пытались взломать случайные двери. Они заранее знали устройство комплекса и теперь словно ждали сигнала снизу.

В динамике хлопнуло. Раздались крики, а потом короткая очередь — звук, который невозможно было спутать с падением мебели или лопнувшим кабелем.

Сынок посмотрел на Отца.

— Это стреляли?

Динамик зашипел.

— Центральный пост!

Ответа не было.

Отец выключил связь и открыл металлический шкаф под пультом. Внутри лежал небольшой фонарь, аптечка и тяжёлый ключ с красной рукоятью. Оружия там не оказалось.

— Они пришли за пирамидой, — сказал Сынок.

— Значит, знали о ней раньше нас.

— Тогда почему ждали?

Отец посмотрел на открытые врата.

— Потому что сами не могли открыть.

С верхнего уровня донёсся новый удар. За ним — ещё один. Свет мигнул, погас и через секунду вернулся уже тусклым, аварийным. Теперь огромный зал освещали только красные лампы и голубое небо чужих Хоськов.

— Нам надо уходить, — сказал он.

— Если уйдём сейчас, через несколько минут часть города окажется здесь. А часть университета — там. Потом граница продолжит расширяться.

— Ты можешь это остановить?

— Нужны координаты выхода.

Отец указал на прибор у стены. Сынок уже видел его во внешней лаборатории, но никогда не интересовался назначением. Металлическая рама размером с письменный стол держала четыре кольца, несколько прозрачных трубок и блок с механическими шкалами. Прибор стоял на маленьких колёсах, однако кабели и выступающие штанги делали его похожим на хрупкий скелет.

— Пространственный определитель, — сказал Отец. — Его собирали для измерений поля возле основания. Если подтащим его достаточно близко к границе, он попробует найти положение второй стороны.

— А потом?

— Передадим данные на панель. Это должно стабилизировать щель. После этого я попробую её закрыть.

Сынок посмотрел на мёртвый город. Ещё несколько минут назад он хотел подойти ближе. Теперь щель казалась не окном, а пастью, которая уже начала втягивать воздух из зала.

— Почему не оставить его здесь?

— Поле слишком слабое. Нужно поставить перед самой щелью. Один я не удержу раму.

Сверху снова донеслась стрельба. На этот раз ближе. Кто-то закричал в шахте лифта, затем крик оборвался.

Отец снял фиксаторы с колёс.

Отец хотел что-то сказать, но Сынок уже взялся за переднюю рукоять прибора.

— Показывай, как не сломать твою штуку.

Отец коротко улыбнулся. Так он улыбался, когда Сынок в детстве наконец видел в задаче не линии, а фигуру.

— Не мою. Теперь, похоже, нашу.

Они откатили определитель от стены. На ровном участке колёса двигались легко, но в промежутках между древними плитами застревали. Перед центральным кругом пришлось поднять раму. Прибор оказался не тяжёлым, но неудобным: кольца раскачивались, прозрачные трубки звенели, а длинная штанга всё время цеплялась за кабели.

У самого круга воздух стал плотным. Пыль, листы расчётов и мелкие осколки поползли к щели. Отвёртка сорвалась со стола и несколько раз ударилась о плиты, но в узкий разлом не прошла.

Они подтащили прибор настолько близко, насколько позволяли кабели, и поставили перед самой щелью. Ни Отец, ни Сынок не пересекали её границу. Сквозь голубой вертикальный разлом шириной не больше дверного проёма виднелась лишь часть белой площади и уходящая между зданиями улица.

— Держи ровно! — крикнул Отец.

Поток воздуха усиливался. Прибор дрожал между пространствами, а прозрачные трубки звенели.

Сынок навалился на раму. Сквозь щель он видел белые каменные плиты неизвестной площади. Их рисунок был почти таким же, как геометрические линии на полу лаборатории, только продолжался далеко за пределы круга колонн.

— Пол одинаковый! — крикнул он.

Отец посмотрел через щель.

— Не одинаковый. Один и тот же рисунок.

Кольца определителя начали вращаться. Стрелки метались между делениями.

— Ему не хватает мощности, — сказал Отец. — Иди к панели.

— А ты?

— Я активирую прибор отсюда. Ты принимаешь данные. Надо почти одновременно.

— Потом закроем?

— Если данные пройдут.

Сверху донёсся новый взрыв. Потолок осыпался каменной крошкой. Люди в коричневых балахонах уже спускались по аварийной лестнице.

— У нас одна попытка, — сказал Отец.

Сынок отпустил раму и добежал до пульта. Панель мигала. Несколько экранов уже погасли, остальные показывали белые полосы.

Отец удерживал прибор перед самой границей. За его спиной клубилась голубая поверхность щели, а дальше виднелись белые плиты чужого города.

Щель начала менять форму. Верхний край опускался, нижний расползался по полу, и изображение площади изгибалось вместе с ним. На несколько мгновений дальняя башня стала

широкой и низкой, затем вытянулась вверх тонкой иглой. Отец повернул одно из колец определителя. Изображение выровнялось, но корпус прибора заскрипел.

— Она складывается не в нашу сторону, — сказал он. — Если граница пройдёт через прибор, его разорвёт между двумя положениями.

— Тогда оттащим.

— Сначала получим координаты. Без них мы уже ничего не закроем.

По аварийной лестнице прогрохотали шаги. Где-то наверху мужчина потребовал открыть нижний шлюз. Другой голос ответил короткой фразой на незнакомом языке. Затем ударил выстрел, и в шахте зазвенело стекло лифта.

Сынок оглянулся на пульт. Между ним и Отцом было всего несколько метров, но теперь они казались двумя концами рушащегося моста. Кабели дёргались по полу, лампы мигали, а из щели непрерывно тянуло сухой пылью. Если он ошибётся в одном знаке, исправлять расчёт будет уже некому.

— Если данные не пройдут? — спросил он.

Отец посмотрел не на щель, а на него.

— Тогда уходишь к лифту.

— Вместе.

— Сначала ты. Это не обсуждается.

Сынок хотел возразить, но узнал тот редкий голос, которым Отец несколькими минутами раньше заставил охранника пропустить их вниз. Обычно мягкий и рассеянный профессор снова исчез. Перед ним стоял человек, уже принявший решение за двоих.

На боковом экране вспыхнула схема нижнего уровня. Три красные отметки двигались от лестницы к колонному залу. Четвёртая оставалась возле лифта. Вторгшиеся разделились так, словно знали не только план лаборатории, но и точное место, где откроется щель.

— Они будут здесь меньше чем через минуту, — сказал он.

— Нам нужно десять секунд.

Отец наклонился и защёлкнул последний фиксатор. Вращающиеся кольца замедлились, поймали дрожание границы и на мгновение замерли с ней в одном ритме. На панели загорелись четыре пустых поля.

Высоко над колонным залом, за узкой каменной решёткой, на мгновение возник человеческий силуэт. Сынок решил, что это один из охранников, хотя скрытый балкон не соединялся ни с одной известной галереей. В следующую секунду свет погас, и фигура исчезла.

— Смотри только на значения, — сказал Отец. — Что бы ни произошло, не оборачивайся, пока не появится четвёртый ряд.

Это прозвучало почти как одна из их старых задач по геометрии: не угадывай ответ, не бойся сложного рисунка, найди недостающую точку. Только теперь за ошибку нельзя было получить плохую оценку и решить пример заново.

— Готов!

Отец положил ладонь на рычаг.

— Сейчас!

Юноша нажал клавишу.

Отец опустил рычаг.

Кабель вспыхнул. По экрану побежали четыре ряда координат.

Первый.

Второй.

Третий.

Четвёртый ряд колебался, перескакивая через десятки знаков, а затем замер.

Прибор взорвался.

Почти одновременно рванула панель. Сынка отбросило от пульта к краю центрального круга. Он ударился спиной о камень и не сразу понял, что скользит дальше: раскрывшаяся щель втягивала пыль, кабели и его самого.

Отец бросил рукоять разбитого определителя. Добежал до Сынка, ухватил за куртку и рывком вытолкнул за низкую опору пульта. Сам остался между ним и разломом, упершись ногой в шов древнего пола.

— Держись здесь!

На скрытом балконе наблюдатель отшатнулся от края. Что-то вырвалось из кармана его пальто, проскользнуло между каменными прутьями и полетело вниз.

Сквозь вой ветра, грохот перекрытий, скрежет металла и звон стекла он услышал другой звук.

Чистый и удивительно тонкий.

Цинг.

Цинг.

Цинг.

Словно маленький металлический предмет несколько раз ударился о каменный пол.

Сынок обернулся.

Из дыма выпал тёмный многогранник размером с крупную монету. Он трижды ударился о камень и покатился поперёк потока, к тому месту, где Отец заслонил собой Сынка.

— Папа, у тебя под ногами!

Отец посмотрел вниз. Предмет остановился у его ботинка.

Его грани разошлись.

Из крошечной вещи вывернулись тонкие металлические кольца. Они прошли друг сквозь друга и выросли в сферу, почти заполнившую пространство между колоннами. Ближайшее кольцо скользнуло вдоль опоры, за которую цеплялся Сынок. Отец оказался по другую сторону, внутри сферы, вместе с остатками определителя и голубой щелью.

Он успел повернуться к Сынку. На его лице не было ни понимания, ни готовности — только короткий испуг человека, который сам не знает, что сейчас произойдёт.

— Назад! — крикнул Отец.

Сфера сжалась.

Воздух хлопнул так, будто огромная дверь захлопнулась прямо перед лицом. Отец, прибор и голубая щель исчезли одновременно. На их месте остался древний круг пола. По его линиям разбежались восемь слабых вспышек; семь погасли сразу, а восьмая, обращённая на восток, на миг закончилась синей точкой.

— Папа!

Сынок бросился к закрывшейся щели. Он ещё надеялся, что Отец просто оказался невидим за тонкой плёнкой и нужно только дотронуться до неё. Но ладони встретили холодный камень.

Сверху раздался треск.

Край перекрытия обломился прежде, чем Сынок успел поднять голову. Камень ударил его по плечу, скользнул по затылку и сбил с ног. Пол качнулся. Колонны вокруг центрального круга начали ложиться набок — медленно, почти торжественно.

За спиной послышались шаги. Между дальними колоннами появились люди в коричневых балахонах. Лица скрывали глубокие капюшоны. Один держал короткое оружие, другой — изогнутый металлический предмет, похожий на часть прибора.

Над входом в зал вспыхнул свет. Раздались выстрелы. Охранник стрелял со стороны нижней площадки лифта, прижимаясь к металлической стойке.

Один из людей в балахонах поднял оружие в сторону лежащего Сынка. Молодой человек с окровавленной щекой ударил его по руке, сбивая ствол.

— Мальчика не трогать!

Кто-то схватил Сынка за куртку и потащил от центрального круга.

— Оставь меня! — крикнул он.

Он ударил наугад, но рука не слушалась. Над ним склонилось лицо под коричневым капюшоном. Не тот человек, которого унесло к своду. Другой — старше, с глубоким шрамом от виска до подбородка.

— Уничтожить записи, — приказал он.

Двое бросились к пульту. Один вырвал блок памяти, второй ударил по панели металлическим жезлом. Экран погас. Последнее изображение чёрного города свернулось в тонкую полосу и исчезло.

— Куда он исчез? — выговорил Сынок.

Человек со шрамом посмотрел на него без злости.

— Если врата забрали его, значит, он ещё существует. Большего я не знаю.

Он поднял Сынка вместе с другим человеком. Они потащили его к аварийной лестнице.

Лифт не работал. Прозрачная кабина застыла между залом и верхним уровнем, перекошенная в направляющих. По стеклу бежали трещины. За ним, на высоте нескольких десятков метров, виднелась смотровая площадка под главным корпусом. Там метались силуэты.

Лестница дрожала. Металлические пролёты были прикреплены к стене шахты, прорубленной между университетским подвалом и древним залом. Первый человек начал подниматься, второй перекинул руку Сынка себе через плечо.

— Сам можешь идти?

Сынок попытался поставить ногу на ступеньку. Мир сразу накренился.

— Значит, не можешь.

Снизу раздался треск. Центральный круг раскололся. Из щели вырвался оранжевый свет и побежал к стенам. Каменная поверхность, которую исследователи считали основанием пирамиды, начала проседать.

— Быстрее! — крикнули сверху.

Они поднялись на два пролёта. Сынок видел лабораторию между ступенями. Люди в балахонах оставались возле аппаратуры, методично разбивая приборы. Один разорвал кабели, другой столкнул вычислительную стойку в раскрывшуюся трещину.

Затем стена шахты вздулась.

Несколько креплений вырвало одновременно. Лестница дёрнулась и отошла от камня. Человек со шрамом успел ухватиться за перила. Тот, кто нёс Сынка, ударился спиной о стену, но не выпустил его.

— Лестница уходит! — закричал кто-то. — Бросай его!

— Магистр приказал: он нужен живым. Любой ценой.

Сверху полетели тросы.

Один ударил Сынка по лицу. Человек со шрамом поймал другой, обмотал вокруг перекладины и крикнул людям на площадке:

— Страховку!

Ему сбросили широкий ремень с металлическим замком. Он затянул его вокруг груди Сынка и защёлкнул карабин. Пальцы работали спокойно, словно под ними не разрушался древний город.

— Поднимайте!

Трос натянулся. Сынка оторвало от ступеней.

— А вы? — спросил он, не понимая, к кому обращается.

Человек со шрамом подтолкнул его вверх.

— Поднимайте его!

Последние крепления не выдержали.

Лестница сложилась. Люди в коричневых балахонах падали вместе с ней, цепляясь за перекладины и друг за друга. Один успел схватиться за трос Сынка, но его товарищ снизу разжал ему пальцы — иначе вес обоих мог сорвать тех, кто тянул наверху.

Сынок медленно поднимался над залом.

Сознание возвращалось обрывками. Он видел то двенадцать колонн, то потолок университетского музея. Между ними не осталось прежнего расстояния. Пространство сжималось, и главный корпус проваливался в шахту.

Сверху рухнула первая витрина. Стекло рассыпалось в воздухе, древние монеты вспыхнули в оранжевом свете и дождём посыпались вниз. За ней полетели книги, обломок статуи и тяжёлая рама с портретом профессора. Каменный саркофаг пробил остатки стеклянной кабины. Лифт сорвался, пролетел мимо Сынка и исчез в пыли.

На смотровой площадке трое людей тянули трос. Один из них упал, когда часть ограждения обвалилась, но двое других удержали Сынка. Ещё несколько фигур пытались перебраться к ним через треснувший пол подвала.

Внизу человек со шрамом всё ещё висел на остатке лестницы.

Их взгляды встретились.

Он не просил помощи. Только посмотрел на Сынка, проверяя, продолжает ли тот подниматься.

Стена обрушилась и скрыла его.

Сынка перевалили через край площадки. Чьи-то руки потащили его прочь от шахты. Он попытался сопротивляться.

— Отец…

— Живой, — сказал человек над ним. — Этого достаточно.

— Верните меня.

Никто не ответил.

Главный корпус застонал.

Это был не звук одного обрушения. Ломались балки, выворачивались перекрытия, лопались трубы. Пол центрального вестибюля вместе с музейными витринами и древними колоннами провалился вниз. Через раскрытый потолок Сынок на мгновение увидел вечернее небо Хоськов. На его фоне качалась часовая башня.

Потом всё закрыло облако белой пыли.

Люди в коричневых балахонах несли его по коридору. Их осталось мало. Один хромал, другой прижимал руку к боку. Позади гибли их товарищи, но никто не возвращался.

Перед тем как потерять сознание, Сынок услышал два голоса.

— Сколько мы потеряли?

— Всех, кто был внизу.

— Он того стоит?

Ответ пришёл не сразу:

— Это решит Магистр. Наша задача — доставить его живым.

Сынок хотел спросить, кто такой Магистр, откуда появился металлический многогранник и куда исчез Отец.

Но Хоськи перевернулись, и темнота сомкнулась над ним быстрее рухнувшего потолка.

Глава 3. Дневник

В больнице Сынок провёл несколько дней.

Он почти не разговаривал.

Врачи говорили, что после обвала и землетрясения ему повезло. Очень повезло. Вопросы повторялись одни и те же: где он находился, что видел, с кем был, почему оказался в той части здания.

Потом пришли люди, которые задавали вопросы уже совсем другим тоном.

Они представились следователями.

Сынок сидел на стуле напротив них и смотрел на стол.

— Вы были в здании вместе с Отцом?

Он кивнул.

— Что произошло?

— Обвал.

— Вы уверены?

Сынок перевёл взгляд на них.

— Я там был.

Следователь некоторое время молчал.

— Ваш Отец погиб?

Сынок не ответил сразу.

В памяти снова возник коридор.

Камень.

Пыль.

Грохот.

А потом то, чего не должно было существовать.

Он сказал:

— Не знаю.

Следователь записал что-то в блокнот.

— Вы видели кого-нибудь ещё?

Сынок вспомнил людей в коричневых балахонах. Особенно молодого человека с окровавленной щекой, который сбил чужое оружие и не позволил выстрелить в него.

— Нет.

Это было первое настоящее враньё.

Но он сам ещё не понимал, почему солгал.

Вопросы продолжались.

Иногда они возвращались к одному и тому же месту, словно пытались поймать его на противоречии.

Кто был рядом?

Что находилось под зданием?

Был ли там туннель?

Почему на стенах были странные символы?

Последний вопрос заставил Сынка поднять глаза.

— Какие символы?

Следователь внимательно посмотрел на него.

— Вы сами о них сказали.

Сынок ничего не помнил.

Или не хотел помнить.

Допрос закончился поздно вечером.

Когда он вернулся в палату, ему впервые пришла в голову мысль, что, возможно, Отец оставил ему нечто, о чём он никогда не рассказывал.

Дом встретил его тишиной.

Мама старалась вести себя как обычно.

Сестра делала вид, что готовится к выпускным экзаменам и поступлению.

Но все понимали, что прежней жизни больше нет.

На третий день после возвращения домой пришла посылка.

Без обратного адреса.

Просто коробка.

Мама сначала не хотела её открывать.

На упаковке было написано только имя Сынка.

Он снял крышку.

Внутри лежал дневник.

Он был тяжёлым.

Настолько старым, что кожа на переплёте местами потрескалась.

На обложке не было названия.

Только несколько едва заметных символов.

Сынок провёл по ним пальцами.

Ему показалось, что один из знаков слегка выступает над поверхностью.

Он открыл дневник.

Первые страницы были исписаны незнакомым почерком.

Чернила выцвели.

Некоторые записи почти невозможно было разобрать.

На следующих страницах почерк менялся.

Совсем немного.

Потом ещё.

И ещё.

Дневник переходил из рук в руки. Рядом с выцветшей записью другой человек оставил поправку более тёмными чернилами; ниже третий продолжил ту же схему.

Некоторые страницы были заполнены обычным текстом.

Другие — схемами.

Третьи представляли собой сплошные символы.

Были страницы, на которых не было ни одного слова.

Только геометрические фигуры.

Некоторые записи были сделаны настолько давно, что бумага стала жёлтой и ломкой.

А потом происходило нечто странное.

Почерк постепенно становился знакомым.

Сынок остановился.

Он знал этот почерк.

Отец.

Последние страницы были написаны совсем недавно.

Но содержание их было совершенно непонятным.

Отец словно продолжал чей-то дневник, начатый задолго до его рождения.

Юноша перелистывал страницы.

На одной из последних была всего одна фраза:

Найди Котора на пастбище мамонтов.

Ниже находились несколько символов.

Он смотрел на них долго.

Потом перевернул страницу.

Там была геометрическая конструкция.

Ещё одна.

И ещё.

Казалось, что автор пытался что-то объяснить, но намеренно не использовал слова.

Сынок закрыл дневник.

И только тогда заметил, что Сестра стоит в дверях.

— Что это?

Он протянул ей книгу.

Она взяла дневник обеими руками.

Долго рассматривала страницы.

— Это не просто дневник.

— Я понял.

— Нет.

Она подняла глаза.

— Я думаю, его вообще не писали как дневник.

Сестра училась в выпускном классе и собиралась поступать на дизайнера одежды. Для вступительного портфолио она готовила небольшую коллекцию, которую должна была не только придумать, но и сшить сама. Последние месяцы дом был завален её работой: рулоны бумаги стояли возле шкафа, выкройки лежали на обеденном столе, на дверных ручках висели полосы ткани, а булавки находились даже там, где их совершенно не должно было быть.

Сынок раньше считал это обычным беспорядком. Теперь он впервые заметил, насколько уверенно Сестра смотрит на плоскую схему и сразу представляет, какой объём из неё можно собрать.

Сестра начала изучать символы.

Она не пыталась читать их как письменность.

Её интересовала форма.

Она перерисовывала отдельные элементы на отдельные листы, соединяла их, меняла положение, поворачивала страницы.

Постепенно из разрозненных символов появилась система.

Сначала двумерная.

Потом объёмная.

Она вырезала элементы из бумаги и начала складывать их вместе.

— Это почти выкройка, — сказала она. — Только не для одежды.

Получилась странная фигура.

Усечённый конус, но гораздо сложнее обычной геометрической формы.

У него были внутренние грани, прорези и отверстия.

Сестра поставила фигуру на стол.

— Посмотри.

Сынок наклонился.

Она вставила внутрь маленький фонарик.

Свет прошёл через отверстия.

На стене появилась проекция.

Сынок замер.

Линии совпадали с некоторыми символами дневника.

Но изображение менялось в зависимости от положения фигуры.

— Это ключ?

— Не знаю.

Сестра покачала головой.

— Скорее способ увидеть то, чего нет на плоском рисунке.

Она снова повернула модель.

Проекция изменилась.

— А если это не рисунок?

Сынок посмотрел на неё.

— А что?

— Может быть, это пространство.

Эти слова он запомнил.

Сестра отдала ему модель.

— Возьми.

— Ты не идёшь?

Она посмотрела на свои учебники.

— У меня выпускной класс.

Она улыбнулась.

— А у тебя, похоже, другое домашнее задание.

На следующий день приехал Брат.

Он был младше Сынка всего на пару лет и почти сразу начал раздражать его своим привычным стуком.

Палочки постоянно находились у него в руках.

Он отбивал ими ритмы по колену, по столу, по подлокотнику кресла.

Иногда казалось, что он вообще не замечает этого.

— Ты когда-нибудь перестаёшь стучать?

Брат задумался.

— Иногда.

— Когда?

— Когда сплю.

Сынок покачал головой.

На этот раз он показал ему дневник.

Брат пролистал несколько страниц.

— Красиво.

— Это не рисунки.

— А что?

— Не знаю.

Брат взял фигурку Сестры.

Повернул её.

Постучал пальцами по грани.

Потом снова включил фонарик.

На стене возникла сложная проекция.

Брат некоторое время смотрел на неё.

— Здесь ритм.

— Что?

— Ритм.

Он постучал палочкой по колену.

Три коротких удара.

Пауза.

Два.

Потом один.

Сынок посмотрел на символы.

И впервые заметил, что некоторые из них действительно можно было воспринимать не только как геометрические знаки.

Они могли быть последовательностью.

Почти музыкой.

Но понять её они пока не могли.

Они решили начать с музея.

И именно там совершенно случайно увидели имя Котора.

Музей Котора занимал один из внешних исторических корпусов университетского комплекса. У него был отдельный вход с улицы, поэтому после обрушения главного корпуса музей продолжал работать. Когда-то здание, вероятно, имело совсем другое назначение. Его стены были слишком толстыми для обычного городского дома, а маленькие окна пропускали внутрь так мало света, что даже днём в залах царил сероватый полумрак.

Внутри пахло пылью, старым деревом и чем-то ещё — холодным, каменным.

Юноша достал дневник.

Они пришли сюда не ради экспонатов.

Они искали подсказку.

Отец написал: «Найди Котора на пастбище мамонтов».

Это могло быть названием экспозиции. Местом. Фамилией. Или очередной загадкой.

Зал с мамонтами оказался почти пустым.

Огромный скелет стоял посреди помещения, подняв хобот, словно собирался сделать ещё один шаг через тысячи лет.

Под ним лежала небольшая табличка.

Пастбище мамонтов.

Брат сразу перестал стучать палочками.

Сынок открыл дневник.

Несколько символов совпали.

Не полностью.

Но достаточно, чтобы стало ясно: они пришли туда, куда нужно.

Они начали искать.

Не Котора.

Сначала — следы.

На стенах висели старые фотографии раскопок, карты, выцветшие схемы. Среди них попадались изображения людей, стоявших рядом с костями мамонтов.

Некоторые фотографии были настолько старыми, что лица людей почти исчезли.

Сестра бы наверняка заметила то, чего они не замечали.

Сынок перелистывал дневник, сравнивая символы с экспонатами.

Брат ходил вокруг витрин.

Он постукивал палочкой по ладони, иногда по собственному колену, и каждый раз останавливался там, где звук менялся.

В одном месте он вдруг ударил по каменному постаменту.

Звук получился глухим.

— Здесь пустота.

Сынок перевёл взгляд на постамент.

Он ничего не услышал.

Но Брат был уверен.

Они обошли его со всех сторон.

Ничего.

Тогда Сынок заметил дверь в соседний служебный коридор.

Она была почти незаметна среди деревянных панелей.

Рядом висела небольшая металлическая табличка.

Они подошли ближе.

На ней было написано:

Заведующий музеем

Котор Ш. С.

Сынок почувствовал странное беспокойство.

Имя было слишком знакомым.

Он снова открыл дневник.

На одной из страниц, среди символов, стояли три буквы.

К. Ш. С.

Он не стал ничего говорить.

Иногда совпадения бывают слишком похожи на предупреждение.

Котор оказался пожилым человеком с тяжёлым взглядом.

Он не удивился, увидев дневник.

Именно это Сынок заметил первым.

Не удивился.

Словно давно ожидал, что кто-нибудь однажды придёт с этой книгой.

Но он не стал спрашивать, откуда она у них.

Он только посмотрел на переплёт.

Потом на Сынка.

И задержал взгляд чуть дольше, чем было необходимо.

Котор протянул руку к книге, но остановился, не коснувшись переплёта.

— Не надо было тебя…

Он прижал пальцы к затылку. Сынок ждал продолжения. Когда старик снова поднял глаза, растерянность исчезла.

— Сначала разберёмся, что ты нашёл.

Разговор начался с мамонтов.

Котор рассказал, что когда-то занимался раскопками на севере. Там находили не только кости животных, но и странные захоронения.

Умерших хоронили необычным способом.

Их тела помещали на специальные сани.

Сани привязывали к огромным костям мамонтов.

А затем отправляли в долину.

Местные жители называли её Долиной смерти.

Тех, кто сопровождал эти процессии, называли Которами.

Не именем.

Должностью.

Проводниками мёртвых.

Сынок ощутил, как внутри что-то сжалось.

Котор продолжал рассказывать спокойно, будто речь шла о давно забытой археологической культуре.

Но постепенно история становилась всё страннее.

Он сказал, что много лет назад консультировал Отца.

Они исследовали древние захоронения.

Отец интересовался не самими могилами.

Его интересовало то, что находилось глубже.

Под музеем.

Сначала Котор считал это старым подземным сооружением.

Позже стало ясно, что оно гораздо древнее самого музея.

Там находился склеп.

А за склепом — туннель.

Туннель уходил глубоко под землю.
Но заканчивался стеной.
Не обвалом.
Не завалом.
Именно стеной.
Каменной, идеально ровной.
На ней были символы.
Котор сказал, что Отец пытался понять их много лет.
Потом однажды перестал приходить.
Сынок не спросил почему.
Он уже знал ответ.
Они спустились туда вечером.
Склеп находился глубже подвала.
Слишком глубоко для здания музея.
Каменная винтовая лестница уходила вниз, закручиваясь вокруг пустого пространства.
Они спускались долго.
Сначала исчезли звуки музея.
Потом улица.
Потом даже ощущение времени.
Казалось, что лестница не ведёт вниз.
Она ведёт куда-то ещё.
Сынок держал дневник под мышкой.
Брат шёл впереди и иногда проводил рукой по стене.
Его палочки снова появились в руках.
Он тихо отбивал ритм.
Тук.
Тук-тук.
Пауза.
Тук.
С каждым витком этот ритм становился всё более знакомым.
В какой-то момент Сынок понял, что слышал его раньше.
Не от Брата.
В дневнике.
Некоторые символы были расположены именно в таком порядке.
Склеп оказался небольшим.
Посреди него стоял каменный саркофаг.
Но крышки не было.
Внутри ничего не оказалось.
За саркофагом находился проход.
Они вошли.
Туннель был настолько старым, что камень казался частью самой земли.
Через несколько минут они увидели стену.
Ту самую.
На ней были высечены символы.
Юноша достал дневник.
Сестрина модель оказалась внутри рюкзака.
Он включил маленький фонарик и вставил его в отверстие модели.
Свет прошёл сквозь прорези.
На стене появилась проекция.

И произошло то, чего они не ожидали.

Символы начали совпадать.

Но не с рисунком на дневнике.

С пространством.

Фигура, которую Сестра собрала из бумаги, словно складывала плоскую поверхность вокруг них.

Двумерные линии становились гранями.

Грани — объёмом.

А объёмная фигура давала на стене новые символы.

Сынок впервые понял, что Сестра была права.

Это действительно мог быть способ видеть пространство иначе.

Не добавляя ещё одно измерение.

А сворачивая уже существующее.

Брат смотрел на стену.

Он перестал улыбаться.

Слышно было только его дыхание.

Потом он поднял палочку и несколько раз ударил ею по камню.

Три.

Пауза.

Два.

Пауза.

Один.

Сынок посмотрел на символы.

Последовательность была такой же.

Он начал нажимать на них.

Один.

Другой.

Третий.

Ничего.

Он попробовал ещё раз.

Брат вдруг сказал:

— Нет. Не так.

Он не объяснил почему.

Он просто прислушивался.

Каждый символ имел свой звук.

Некоторые были глухими.

Другие отдавались внутри стены тонкой вибрацией.

Брат прикладывал ладонь к камню и выбирал следующий.

Сынок повторял.

Последовательность превращалась в мелодию.

И чем ближе они подходили к правильному порядку, тем сильнее становилась вибрация.

Последний символ оказался почти незаметным.

Брат нажал на него.

Ничего.

Он провёл рукой по камню.

Кожа зацепилась за острый выступ.

— Чёрт.

На пальце появилась маленькая царапина.

Он вытер кровь о штаны и снова попытался нажать на символ.

Камень дрогнул.

Сынок сначала решил, что ему показалось.

Но потом услышал низкий гул.

В глубине стены что-то проснулось.

Символы вспыхнули один за другим.

Не ярким светом.

Скорее слабым внутренним свечением.

Дверь начала уходить внутрь.

Брат отступил.

Сынок замер.

Он не заметил крови.

Не придал значения маленькой царапине.

Никто из них не понял, что произошло.

Для них последовательность была разгадана благодаря геометрии, свету, вибрации и случайности.

Дверь открылась.

За ней находилась темнота.

Но из темноты тянуло холодным воздухом.

И где-то далеко, очень глубоко, слышался звук.

Похожий на дыхание.

Они вошли.

Дверь за их спинами закрылась.

За тайной дверью лестница стала шире и круче. Она уже не уходила только вниз: несколько пролётов поворачивали в сторону университета, будто древние строители прокладывали путь не под музеем, а обратно к центру комплекса.

Следы человеческой работы постепенно исчезли. Кирпич сменился огромными идеально подогнанными блоками. На одних были высечены знакомые символы, на других — изображения существ, которых Сынок никогда прежде не видел.

— Мы возвращаемся к университету, — сказал Брат.

Сынок тоже это почувствовал. Не по направлению — под землёй оно давно потерялось, — а по нарастающей вибрации в ступенях. Так дрожал пол в тот вечер, когда исчез Отец.

Последний пролёт вывел их к узкому проходу, прорубленному в древней кладке. За ним находился знакомый колонный зал. Они вошли в него с противоположной стороны, через неприметный чёрный ход, которого Сынок раньше не видел.

Зал изменился после обрушения. Часть потолка лежала на полу, стойки аппаратуры исчезли под камнями, а аварийные лампы давно погасли. Но центральный круг основания пирамиды уцелел. Сынок сразу узнал место, где стоял прибор и где в последний раз видел Отца.

Теперь над кругом раскрылась огромная сфера.

Металлические кольца диаметром в несколько метров вращались одно внутри другого. Между ними оставались такие широкие промежутки, что сквозь конструкцию можно было пройти. В глубине сферы пульсировала вертикальная щель — то сужалась до светящейся нити, то раздвигалась на ширину дверного проёма.

За ней не было видно города. Только густая чернота и редкие голубые вспышки, похожие на далёкие молнии.

Сынок остановился у края круга.

— Здесь исчез Отец.

Брат больше не постукивал палочкой. Он прислушался к вращению колец и к гулу, идущему из-под пола.

— А теперь эта штука ждёт нас.

Щель расширилась. Из неё потянуло холодом, хотя в день аварии воздух был сухим и горячим. Линии на полу вспыхнули одна за другой и сошлись под ногами Сынка.

Он раскрыл дневник. На полях рядом с изображением сферы проступили едва заметные знаки, которых он прежде не видел. Они складывались в одну короткую последовательность и обрывались на символе шага.

— Если Отец прошёл через неё, другого пути у нас нет.

— Очень убедительно, — сказал Брат. — Особенно часть, где мы понятия не имеем, куда она ведёт.

Он всё же встал рядом.

Они вошли между вращающимися кольцами. Металл прошёл так близко, что Сынок невольно пригнулся. На середине круга щель распахнулась, и голубой свет на мгновение залил разрушенный зал.

Сынок шагнул первым.

Холод исчез. Опоры под ногами не стало. Его резко потянуло вперёд, затем пространство сжалось со всех сторон и тут же отпустило.

Брат вывалился следом и едва не сбил его с ног.

Котор вошёл в сферу последним. На границе его фигура разделилась на несколько несовпадающих силуэтов, а затем собралась вновь уже по эту сторону.

Перед ними открылась огромная восьмиугольная площадь. В её центре вращалась та же сфера — только здесь она казалась не возникшей среди развалин машиной, а частью древнего сооружения, стоявшей на своём настоящем месте.

Поверхность площади была сложена из чёрных плит, испещрённых тонкими линиями. Сынок остановился: тот же геометрический рисунок покрывал пол под Университетом. Здесь он не обрывался у круга колонн, а продолжался по всей площади, позволяя впервые увидеть схему целиком.

По периметру возвышались восемь одинаковых обелисков. Между ними начинались широкие дороги, расходившиеся в разные стороны, словно лучи от центра неизвестного механизма.

Но почти все пути были разрушены.

Один обрывался сразу за площадью. От другого сохранились только отдельные пролёты, висевшие над руинами. Третий уходил к рухнувшей башне и исчезал под камнями. Остальные терялись среди провалов, завалов и рассечённых надвое галерей.

Целой оставалась лишь восточная дорога. Она проходила между двумя обелисками и дальше переходила в высокий мост.

Дальше начинался город.

Тёмные здания поднимались одно над другим, соединённые лестницами, мостами и высокими галереями. Некоторые напоминали храмы, другие — дворцы или огромные машины. Между ними лежали целые кварталы руин. Над крышами висел неподвижный туман, а ещё выше исчезали во мраке гигантские наклонные плоскости.

Среди зданий двигались прозрачные, едва различимые фигуры. Они появлялись на улицах, проходили сквозь стены и снова растворялись.

Город был мёртвым.

Но не пустым.

Сынок поднял голову, пытаясь понять, что поддерживает этот невозможный потолок, но не увидел его конца.

— Это всё под университетом? — спросил Брат.

— Нет.

— Очень содержательный ответ.

Юноша подошёл к краю площади.

С этой стороны она возвышалась над ближайшими улицами на несколько этажей. Вниз уходили отвесные чёрные стены, но их основание скрывали окружавшие площадь здания, туман и темнота. Сынок решил, что стоит на крыше древней станции или огромного подземного храма.

Брат тихо постучал палочкой по ладони.

Звук не разнёсся по городу. Он словно ушёл под камень.

Издалека ответило:

Тук.

Тук-тук.

Пауза.

Тук.

Кольца в центре сферы на миг остановились.

Из тумана возле неё появился мамонт.

Полупрозрачное тело было наполнено медленными светящимися потоками. Животное посмотрело на них, затем развернулось к единственной дороге, по которой ещё можно было пройти.

К восточной.

— Это ещё что? — прошептал Брат.

Мамонт сделал несколько шагов и снова оглянулся.

— Думаю, нас приглашают, — сказал Сынок.

— А если это не приглашение?

— Тогда очень вежливая ловушка.

Они пошли следом.

Дорога быстро перешла в высокий каменный мост. Под его арками лежало широкое извилистое русло, но воды в нём не было. Серое дно покрывали трещины, песок и останки разрушенных строений. Когда-то здесь могла течь река, отделявшая центральную часть города от внешних кварталов.

Мамонт двигался впереди бесшумно. Его ноги проходили сквозь камни, не оставляя следов.

За мостом находилась небольшая площадь. Посреди неё на высоком постаменте стоял другой мамонт — каменный, тяжёлый и неподвижный. Он был обращён головой назад, к восьмиугольной площади, с которой пришли герои.

Призрачное животное остановилось рядом со статуей.

На мгновение их очертания совпали.

— Памятник самому себе, — сказал Брат. — Скромно.

Справа от площади возвышалась тонкая башня. Её стены переплетались, словно рёбра огромного металлического существа, а в верхней части горел заключённый в прозрачную конструкцию голубой кристалл. Свет поворачивался, проходя над мёртвыми крышами.

Маяк.

Только он указывал путь не кораблям.

Каждый раз, когда его луч касался статуи, на дороге впереди вспыхивали новые символы.

Из тумана вышли ещё два полупрозрачных мамонта. Все три двинулись дальше по восточной дороге.

Позади остались высокий мост, площадь с каменной статуей и голубой луч маяка. Дорога продолжала светиться перед животными, однако за пределами площади её геометрия стала нарушаться. Улица могла тянуться несколько сотен метров, а потом выводить почти к тому же месту, откуда начиналась. Огромное здание вдали оказывалось рядом, стоило отвернуться, а лестницы иногда приводили туда, что находилось у них за спиной.

Сынок уже не пытался измерять расстояние. Он лишь держался выбранного мамонтами пути и иногда проверял, остаётся ли маяк позади. Пока голубой свет пробивался между башнями, они шли на восток.

Их огромные тела временами растворялись среди серых сооружений города-призрака, но через несколько секунд появлялись снова. Они шли молча, не оставляя следов и не обращая внимания на троих людей, следовавших за ними.

Брат держался ближе к Сынку. Даже здесь он не расставался со своими палочками. Одну зажал в руке и время от времени машинально постукивал ею по бедру. Обычно эта привычка раздражала Сынка, но сейчас ритм почему-то успокаивал. Он был единственным обычным звуком в месте, где всё остальное казалось ненастоящим.

Котор шёл немного позади. Он почти не разговаривал. С тех пор как они вошли в пирамиду, заведующий музеем заметно изменился. Исчезла профессорская уверенность, с которой он рассуждал о древних культурах и назначении символов. Теперь Котор чаще смотрел по сторонам, словно пытался вспомнить что-то, чего никогда не знал.

Сынок обернулся и неожиданно увидел мальчика.

Тот стоял посреди улицы.

Тот самый мальчик, который уже подходил к нему здесь.

На этот раз он не бежал. Просто смотрел.

За его спиной медленно проходили другие призрачные фигуры. Они возникали из стен, пересекали улицу и исчезали в противоположных зданиях. Никто не замечал троих чужаков. Только мальчик продолжал смотреть прямо на Сынка.

— Что там? — спросил Брат.

— Ничего.

Сынок хотел отвернуться, но возле мальчика что-то появилось.

Высокая тёмная фигура.

Сначала она напоминала человека, потом словно потеряла форму. Плечо вытянулось, голова исчезла, тело растеклось дымным пятном и снова собралось.

Сынок замер.

Он уже видел нечто подобное.

Тогда, возле портала.

Он попытался всмотреться, но один из мамонтов прошёл между ними. Огромное полупрозрачное тело на несколько мгновений закрыло улицу.

Когда оно прошло, мальчика уже не было.

И фигуры тоже.

— Идём, — сказал Котор.

Сынок ничего ему не рассказал.

Призрачный мамонт повернул к низкому восьмиугольному зданию между двумя башнями. За зданием возвышался огромный треугольный проём. Его вершина терялась во мраке, а серебристые края отделяли неподвижный воздух Города-призрака от снежной бури по другую сторону. Сквозь летящий почти горизонтально снег временами проступали белый склон и далёкие тёмные горы.

Сынок оглянулся.

С этого места центральная площадь казалась верхней частью огромной тёмной конструкции. Её нижние грани по-прежнему скрывали здания. От неё во все стороны расходились остатки разрушенных дорог, но за руинами невозможно было понять ни их назначение, ни настоящую форму сооружения. Целым оставался только мост, по которому они пришли к маяку.

Он вынул дневник и быстро нарисовал мост, статую и маяк.

Рядом поставил стрелку:

«Восток. Мамонтовый путь».
Затем захлопнул книгу и последовал за проводником.
Он ещё не знал, что записал первую из восьми дорог.
И что место, принятое им за древнюю станцию, скрывало главную тайну всего города.

ГЛАВА 4. ШАМБАЛА

* * *

Мамонты свернули к низкому восьмиугольному зданию, стоявшему между двумя башнями. Сынок сначала решил, что они сокращают дорогу, но животные остановились перед закрытыми воротами.

Когда первый мамонт приблизился, створки разошлись сами.

Внутри вдоль стен стояли каменные шкафы. Несколько были раскрыты. В них висела одежда: длинные многослойные куртки, широкие штаны, плащи с капюшонами, перчатки и высокие сапоги. Рядом лежали мотки тонкой верёвки, маски, защитные очки и металлические приспособления с загнутыми зубьями.

— Гардероб мёртвых? — спросил Брат.

Котор провёл пальцами по краю ближайшего шкафа.

— Станция подготовки.

— К чему?

Над шкафами находились изображения. Человек среди гор. Человек во льдах. Человек под огромными деревьями. Человек перед пирамидами, окружённый волнами песка.

Сынок посмотрел сквозь противоположный выход. За ним уже был виден огромный треугольный проём, а внутри него бушевала метель.

— К тому, что находится с другой стороны.

Одежда казалась древней, но ткань не рассыпалась. Под пальцами она была плотной и непривычно гладкой. Сынок надел тёмную куртку поверх своей одежды. Она оказалась широкой, однако стоило застегнуть три плоские пряжки, как внутренние слои стянулись по телу.

Брат выбрал комплект покороче и долго разбирался с ремнями на сапогах.

— Сестре бы это понравилось, — сказал он. — Или она объяснила бы, где у него перед.

Котор снял со стены плащ и замер, словно уже проделывал это прежде.

— Ты знаешь, как его надевать? — спросил Сынок.

— Нет.

Котор уверенно застегнул скрытый воротник.

— Руки помнят.

Они взяли перчатки, капюшоны и верёвку. Остальные вещи остались в шкафах.

Мамонты тем временем прошли между двумя сооружениями, похожими одновременно на башни и огромные колонны.

За ними открывался треугольный проход высотой с многоэтажный дом. Никаких створок у него не было. Серебристые линии по краям неподвижно сияли, отделяя чёрный камень Города-призрака от другого пространства.

Совсем близко за границей снег летел почти горизонтально и скрывал землю. Иногда ветер разрывал белую пелену, и тогда вдали проступали огромные горные склоны.

Первый мамонт пересёк серебристую линию и продолжил путь по снегу. Его полупрозрачное тело ещё несколько мгновений было видно в метели.

За ним прошёл второй.

Потом третий.

Брат остановился.

— Ну конечно.

— Что?

— Нормальной дороги они найти не могли.

Котор подошёл к границе и остановился перед ней. В нескольких сантиметрах от его сапог чёрный камень сменялся глубоким снегом.

Он протянул руку. Перчатка пересекла серебристую линию, и её сразу покрыл иней.

— Мы можем вернуться, — сказал он.

Брат посмотрел назад.

Позади них лежал бесконечный мёртвый город.

— Куда?

Котор ничего не ответил.

В треугольнике что-то появилось.

Сначала Сынок решил, что метель бросила им навстречу тень мамонта. Но тёмная фигура двигалась слишком быстро и не касалась пола. Она возникла в неподвижном воздухе Города-призрака, пересекла серебристую границу и на мгновение стала почти человеческой.

Возле её груди вспыхнул маленький холодный отблеск.

Потом тень растворилась в снегу.

— Вы это видели? — спросил он.

Брат всмотрелся в метель.

— Что именно?

Котор подошёл ближе к границе, но за ней уже двигались только белые полосы снега.

Сынок первым переступил границу.

Холод ударил мгновенно.

Он даже не успел вдохнуть.

В лицо словно бросили горсть ледяного песка. Сынок зажмурился, прикрыл глаза рукой и сделал ещё несколько шагов, не понимая, куда исчез пол под ногами.

Нога провалилась почти до колена.

Снег.

Настоящий снег.

Он обернулся. Огромный тёмный треугольник оставался позади, и внутри него был виден неподвижный Город-призрак. Но метель быстро скрывала проём.

Вокруг ревел ветер.

Брат вывалился следом и тут же провалился в сугроб.

— Да вы издеваетесь!

Последним границу пересёк Котор. Треугольный проход ещё угадывался за его спиной, но через несколько шагов исчез в снегу. Он не закрылся — его просто больше не было видно.

Сынок взглянул вверх.

Горы.

Вернее, он только догадывался, что это горы. Сквозь метель временами проступали гигантские тёмные стены, уходящие вверх и исчезающие в белом небе.

Воздуха не хватало.

Каждый вдох обжигал лёгкие.

Снаряжение спасло их от мгновенного холода, но не сделало неуязвимыми. Ветер находил щели у воротников, снег забивался под капюшоны, а каждый вдох по-прежнему обжигал лёгкие.

— Мамонты! — крикнул Брат.

Сынок едва услышал его за ветром.

Впереди действительно двигалась огромная тень.

Потом ещё одна.

Призрачным животным метель не мешала. Они спокойно поднимались по склону, будто никакого снега и ветра не существовало.

Другого ориентира всё равно не было.

Они пошли за ними.

Через несколько минут Сынок почувствовал, как холод начинает пробираться сквозь внутренние слои. Пальцы пока слушались, но ткань уже не казалась такой тёплой, как в каменном здании. Он старался смотреть только на мамонта впереди и не думать о том, сколько ещё сможет идти.

Брат больше не стучал палочкой.

Котор несколько раз падал.

В какой-то момент один из мамонтов остановился.

Его огромная голова повернулась.

Сынку на секунду показалось, что животное смотрит прямо на них.

Потом мамонт поднял хобот.

Звука не было.

Но где-то внутри головы Сынок почувствовал низкую протяжную вибрацию.

Брат тоже остановился.

— Ты слышал?

— Что?

— Вот это.

Сынок хотел ответить, но мамонт уже двинулся дальше.

И исчез.

Не растворился в метели.

Просто сделал шаг — и его не стало.

Следом исчез второй.

Потом остальные.

Они остались одни.

Брат выругался.

— Отлично. Пришли.

Сынок повернулся назад.

Следы почти моментально заметало.

Возвращаться было некуда.

И тогда из метели появилась человеческая фигура.

Она шла прямо к ним.

Сынок напрягся. После города-призрака он уже не был уверен, что всё имеющее человеческие очертания обязательно является человеком.

Фигура приблизилась.

Молодой мужчина. Почти мальчишка. На нём была светлая одежда, совершенно нелепая для такой бури, поверх которой ветер трепал длинный кусок ткани. Голова была непокрыта.

Незнакомец остановился перед ними и внимательно посмотрел сначала на Сынка, затем на Брата и наконец на Котора.

Улыбнулся.

Что-то сказал.

Юноша не понял ни слова.

— По-русски можешь? — крикнул Брат.

Незнакомец немного подумал.

— Могу.

Русский был почти без акцента.

— Тогда какого чёрта сразу не сказал?

— Вы не спросили.

Сынок поймал взгляд Брата.

Он впервые за долгое время чуть не рассмеялся.

— Идёмте, — сказал незнакомец. — Здесь скоро станет хуже.

— Куда?

Тот показал куда-то вверх.

Сынок посмотрел в указанную сторону и сначала ничего не увидел.

Потом ветер на несколько секунд разорвал снежную завесу.

Высоко над ними вспыхнули огни.

Сначала Сынок решил, что это окна какого-то здания на склоне. Но огни продолжались выше. И ещё выше. Они опоясывали гору, поднимаясь вокруг неё огромной спиралью.

Метель снова закрыла всё.

Через несколько мгновений показался другой участок.

Каменная галерея.

Ещё выше — башня.

Потом лестница.

Ещё один ряд огней.

Сооружение начиналось где-то у подножия и, обвивая гору кольцо за кольцом, уходило к самой вершине.

Сынку пришёл в голову образ огромной змеи, свернувшейся вокруг каменного исполина.

— Что это? — спросил он.

Незнакомец снова посмотрел на него.

— Дом.

— Твой?

— Пока мой.

И пошёл вперёд.

Они последовали за ним.

Только когда до первых каменных ворот оставалось несколько десятков шагов, Сынок спросил:

— Как тебя зовут?

Незнакомец обернулся.

— Орикс.

За ними бушевала снежная буря.

Орикс толкнул тяжёлую дверь.

Трое вошли внутрь.

Дверь закрылась.

И наступила тишина.

Не приглушённый шум ветра.

Не далёкий гул метели.

Полная тишина.

Внутри оказалось не просто тихо, но тепло. Сначала Сынок этого не почувствовал: холод ещё сидел под кожей. Затем тяжёлая куртка стала мешать дышать, а по спине потёк пот.

Орикс провёл их в небольшое помещение возле входа. На стенах тянулись деревянные крюки, под ними стояли низкие скамьи.

— Здесь оставляют внешнее, — сказал он.

Брат стянул капюшон.

— Очень философски.

— Одежду, — уточнил Орикс.

Они сняли плащи, перчатки и верхние утеплённые слои. Под ними осталась их обычная одежда, влажная от снега и пота. Котор аккуратно повесил плащ на крюк, но Сынок сложил короткую куртку и привязал её к рюкзаку.

— Зачем тащить? — спросил Брат.

— Мы не знаем, куда выйдем обратно.

Подумав, Брат тоже оставил себе короткую куртку и перчатки. Сапоги менять не стал: их собственная обувь промокла ещё в метели.

Орикс посмотрел на оставленные вещи, но возражать не стал.

В храм они вошли уже без тяжёлых плащей, однако часть странного снаряжения продолжили нести с собой.

Сынок оглянулся на дверь, потом на тёплый свет факелов, уходящий куда-то вверх по каменному коридору.

Впервые ему пришла мысль, которую он пока не решился произнести вслух.

Когда-то он видел такие горы на картинах Рериха.

И читал о месте, которое люди веками искали среди них.

Шамбала.

* * *

Тепло вернулось не сразу. Сынок ещё несколько минут стоял у закрытой двери, чувствуя, как пальцы болезненно отогреваются. За толстым камнем продолжала бушевать метель, но внутри храма не было слышно ничего. Ни ветра, ни скрипа дерева, ни шума снега. Только редкое потрескивание факелов и тихие шаги Орикса впереди.

Коридор шёл по дуге. Сначала Сынок решил, что они просто обходят внутреннюю стену, но через несколько поворотов заметил странность: подъём почти не ощущался, хотя сквозь узкие окна долина становилась всё ниже. Храм действительно опоясывал гору. Каменные галереи поднимались вокруг неё медленной спиралью, будто всё сооружение было выточено из одного гигантского тела.

Монахи встречались редко. Они были одеты по-разному: кто-то носил простые серые одежды, другие — белые или тёмно-красные. Несколько человек остановились, увидев пришельцев. Один старик что-то спросил у Орикса на языке, которого Сынок никогда не слышал.

Орикс ответил ему.

Через несколько шагов к ним подошла женщина в тёмной накидке. Она заговорила уже совсем иначе — короткими резкими словами, почти без гласных. Орикс ответил и ей.

Брат повернулся к нему.

— Ты тоже считаешь?

— Что?

— Языки.

Орикс услышал и обернулся.

— Какие?

— На скольких ты говоришь?

Орикс задумался так серьёзно, будто вопрос оказался сложным.

— Не знаю.

— В смысле не знаешь?

— Никогда не считал.

— Английский?

— Да.

— Немецкий?

— Да.

— Французский?

Орикс кивнул.

Брат оживился.

— Итальянский?

Снова кивок.

Котор, до этого молчавший, произнёс несколько слов на языке, который Сынок не узнал. Орикс ответил мгновенно.

Котор остановился.

— Это древнеперсидский.

— Возможно.

— Возможно?

— Ты сказал — я понял.

Котор некоторое время смотрел на него, затем продолжил путь, ничего не добавив.

Брат усмехнулся:

— А я думал, это у меня странные таланты.

— У тебя другие, — спокойно сказал Орикс.

Улыбка исчезла с лица Брата.

— Какие?

Орикс посмотрел на его барабанную палочку.

— Ты слышишь то, что остальные считают тишиной.

— Я музыкант.

— Это не одно и то же.

Он пошёл дальше.

Сынок заметил, что Брат больше не стучит палочкой по ноге.

Им дали сухую одежду и горячую воду. Котор долго грел руки над небольшой железной чашей с углями, а Брат почти сразу нашёл на низком столе деревянную кружку и выпил всё, что в неё налили, даже не спросив, что это.

Сынок сидел возле стены и наблюдал за Ориксом.

Монах выглядел моложе, чем показалось в метели. Худой, светлокожий, с почти бесцветными глазами и странно спокойным выражением лица. В нём не было той сосредоточенной серьёзности, которую Сынок ожидал увидеть у человека, выросшего в таком месте. Иногда Орикс рассматривал обычные предметы с совершенно детским интересом, а через минуту говорил что-нибудь такое, после чего хотелось спросить, понимает ли он сам смысл своих слов.

— Ты здесь родился? — спросил он.

— Нет.

— Тогда откуда ты?

Вместо ответа Орикс пожал плечами.

— С неба.

Брат хмыкнул.

— Удобно.

— Самолёт упал.

Сынок поднял глаза.

Орикс говорил об этом так же спокойно, как о погоде.

Он был совсем маленьким. Сколько именно ему было лет, никто не знал. Самолёт шёл над горами и попал в бурю. Почему он оказался здесь, Орикс тоже не знал. Машина разбилась далеко от монастыря, в ущелье, куда местные почти не ходили.

Монахи нашли обломки через несколько дней.

— И тебя?

— Меня тоже.

— Ты был один?

— Нет.

Орикс немного помолчал.

— Там было много мёртвых.

Брат перестал пить.

Сынок не знал, что ответить.

— А живые?

— Я.

После короткой паузы Орикс добавил:

— И животное.

— Какое?

— Орикс.

Брат нахмурился.

— Антилопа?

Орикс кивнул.

В грузовом отсеке находилась деревянная клетка. При падении её разломало. Молодая антилопа каким-то образом выбралась наружу и осталась рядом с ребёнком. Монахи нашли обоих среди снега и обломков.

— Поэтому тебя так назвали?

— Да.

— А твоё настоящее имя?

— Не знаю.

— Документов не нашли?

— Возможно, нашли. Мне не говорили.

— И тебя это никогда не волновало?

Орикс посмотрел на Сынка так, словно не понял вопроса.

— Почему должно?

— Ну… узнать, кто ты.

Орикс улыбнулся.

— Я знаю.

— И кто?

— Орикс.

Брат тихо рассмеялся.

Сынок — нет.

Ему вдруг стало неуютно от того, насколько простой показалась Ориксу вещь, над которой другие люди могли думать всю жизнь.

— Я имел в виду раньше.

— Раньше меня ещё не было.

— Но ребёнок был.

— Был.

— И это был ты.

— Возможно.

Юноша хотел продолжить, но Орикс потерял интерес к разговору и начал рассматривать отблеск огня на металлической чаше.

Котор заговорил первым:

— Самолёт когда разбился?

Орикс назвал приблизительный год.

Котор нахмурился, будто попытался что-то вспомнить, но ничего не сказал.

Позже Орикс повёл их дальше.

Коридор становился шире. Иногда они проходили открытые галереи, и тогда Сынок видел, насколько огромен храм. Строения действительно обвивали всю гору. Где-то далеко внизу скрывались первые ворота, через которые они вошли. Выше виднелись ещё десятки ярусов, соединённых мостами и лестницами.

— Кто всё это построил? — спросил он.

— Люди.

Котор провёл рукой по стене.

— Не эти стены.

Орикс внимательно посмотрел на него.

— Нет. Не эти.

— Тогда кто?

— Те, кто был раньше.

— Раньше кого?

Орикс лишь пожал плечами.

— Всех.

Котор раздражённо выдохнул.

— Ты специально отвечаешь так?

— Как?

— Чтобы ничего не было понятно.

Орикс улыбнулся.

— Мне понятно.

Брат фыркнул.

Сынок впервые заметил, что Котор смотрит на стены не как музейщик. Его внимание привлекали отдельные знаки, углубления, рисунки на камне. Иногда он задерживался возле них дольше остальных.

Орикс тоже это заметил.

— Ты здесь уже был.

Котор медленно повернулся.

— Нет.

— Хорошо.

— Что значит «хорошо»?

— Значит, был не ты.

Котор хотел возразить, но вдруг стиснул перила. Сынок увидел, как побелели костяшки его пальцев.

— Я здесь впервые, — сказал старик тише. Он смотрел на свои руки, словно проверял именно это.

Орикс подождал, пока Котор разожмёт пальцы, и пошёл дальше.

Через некоторое время Орикс остановился возле узкого окна. За ним открывалась пропасть. Ветер здесь был почти не слышен, хотя снег по-прежнему закрывал половину долины.

Он посмотрел на Брата.

— Ты услышишь.

— Что?

— Когда будет нужно.

— Очень конкретно.

Орикс кивнул.

— Да.

Потом перевёл взгляд на Котора.

— А ты вспомнишь.

Котор нахмурился.

— Что именно?

— Не знаю.

— Тогда откуда ты знаешь, что я что-то вспомню?

— Потому что забывают только то, что уже знали.

Брат усмехнулся:

— Железная логика.

Орикс посмотрел теперь на Сынка.

Дольше, чем на остальных.

— А я что? — спросил Сынок.

— Ты?

— Он услышит. Котор вспомнит. Мне что досталось?

Орикс немного наклонил голову, будто прислушивался к чему-то.

— Тебе придётся решить.

— Что?

— Если бы я знал, решать пришлось бы мне.

На этот раз никто не засмеялся.

Они пошли дальше.

Сынок несколько минут молчал, а потом догнал Орикса.

— А тебе?

— Что мне?

— Ты всем что-то предсказал. Что должен сделать ты?

Орикс задумался.

— Проснуться.

Сынок снова посмотрел на него.

— Ты сейчас спишь?

Орикс поднял ладонь, посмотрел на неё, затем на Сынка.

— Наверное, нет.

— Тогда что это значит?

— Значит, ещё не время.

И опять пошёл вперёд, словно разговор закончился.

Чем выше они поднимались, тем меньше храм напоминал монастырь. Исчезли деревянные двери и тканевые занавеси. Камень стал темнее. На стенах появились изображения, сначала едва заметные, затем всё более сложные.

Люди.

Звёзды.

Странные существа.

Фигуры, окружённые светом.

Сынок остановился возле одной из фресок. На ней человек стоял, раскинув руки. Внутри его тела художник изобразил ещё один силуэт — тонкий, светлый, почти прозрачный. Рядом находился второй человек. Его голова была окружена множеством линий, а лицо искажено. Третья фигура лежала на земле. Светящийся силуэт выходил из неё и тянулся к следующему телу.

— Что это? — спросил он.

Орикс остановился.

— Старая история.

Котор подошёл ближе и долго рассматривал рисунок.

— Похоже на поздние изображения духовных Учителей, — произнёс он. — Есть что-то общее и с теософскими рисунками Лемурии. Хотя это может быть просто совпадением.

Орикс неопределённо повёл плечом.

— Люди давали им много имён.

— А ты как их называешь?

— Никак.

Котор задержал на нём взгляд.

— У них должно быть имя.

Орикс указал на несколько древних знаков под фреской.

— Здесь написано иначе.

— Как?

Орикс произнёс медленно:

— Леруйцы.

Сынок повторил слово про себя.

Леруйцы.

В дневнике Отца он уже встречал похожее название, но тогда оно ничего ему не говорило.

— Они люди? — спросил Брат.

— Нет.

— Умершие?

— Иногда.

— Духи?

Орикс снова пожал плечами.

— Так проще.

Сынок показал на фигуру, входящую в человеческое тело.

— Зачем им люди?

Орикс указал на нарисованную руку.

— Чтобы иметь руки.

На ноги.

— Чтобы ходить.

Потом на рот.

— Чтобы говорить.

Брат спросил:

— А голова?

Орикс немного помолчал.

— С головой обычно хуже всего.

Юноша перевёл взгляд на лицо человека на фреске. Художник изобразил его почти безумным.

— Что с ним происходит?

— Он начинает слышать того, кто внутри.

— И?

— Потом не всегда понимает, кто из них думает.

Котор наконец оторвался от стены.

— Как долго человек может выдерживать это?

— По-разному.

— День?

— Может быть.

— Год?

Орикс повернулся к нему.

— Обычно тот, кто пытается долго, перестаёт быть тем, кем был.

Несколько секунд никто не говорил.

Выше по стене светящиеся фигуры двигались к изображению огромного города. В другом месте похожие существа окружали людей, державших оружие. Ещё дальше один и тот же сюжет словно повторялся уже иначе: то ли дух входил в человека, то ли человек сам становился частью чего-то большего.

Котор переходил от одной фрески к другой, каждый раз находя новые сходства.

— Здесь можно увидеть и буддийские мотивы, и легенды о воплощениях, — говорил он скорее самому себе. — А это напоминает рассказы о Сынах Огненного Тумана… Хотя изображения явно старше самих легенд.

— Значит, легенды появились потом? — спросил он.

Котор хотел ответить, но Орикс опередил его:

— Истории всегда появляются потом.

— После чего?

Орикс посмотрел на изображения.

— После того, как люди забывают, что произошло.

Сынок ничего не сказал.

Фраза была настолько простой, что могла ничего не значить.

Или значить слишком много.

Они пошли дальше.

На следующей стене не было ни людей, ни знакомых образов. Только пять светящихся фигур, стоящих вокруг шестой — гораздо более крупной и почти лишённой формы.

Под изображением тянулась длинная строка древних символов.

Котор остановился первым.

Сынок тоже почувствовал странное узнавание. Один из знаков напоминал символ из дневника Отца.

— Что здесь написано? — спросил он.

Орикс несколько секунд смотрел на надпись.

— Это уже следующая история.

И пошёл дальше.

* * *

Следующая история начиналась не сразу.

Орикс шёл впереди, не оборачиваясь, а Сынок несколько раз оглядывался на фреску с пятью светящимися фигурами. Чем дальше они отходили, тем сильнее ему казалось, что шестая фигура в центре не была нарисована полностью. Художник словно намеренно оставил её незаконченной: несколько линий обозначали человеческое тело, но тут же распадались, превращаясь то ли в языки пламени, то ли в ветви, то ли в клубы дыма.

Потом стена скрылась за поворотом.

Храм продолжал подниматься вокруг горы, но теперь его устройство изменилось. Коридор стал значительно шире, потолок поднялся, а вместо отдельных рисунков появились целые картины, тянувшиеся на десятки метров. Некоторые были вырезаны непосредственно в камне, другие нанесены краской, третьи состояли из тысяч маленьких пластин, вставленных в стену.

Возраст у них тоже был разный.

Котор заметил это первым.

— Это делали не одновременно.

Он провёл пальцами возле изображения, не касаясь поверхности.

— Между некоторыми могут быть тысячи лет.

Орикс кивнул.

— Их много раз рисовали заново.

— Почему?

— Старые становились непонятными.

— И их исправляли?

— Объясняли.

Котор недовольно посмотрел на него.

— Это не одно и то же.

— Теперь уже одно.

Сынок усмехнулся. Он начинал привыкать к тому, что разговоры с Ориксом почти всегда заканчивались там, где нормальный разговор только должен был начаться.

Первая большая фреска изображала мир, совсем не похожий на Землю. Над чёрной равниной висели огромные небесные тела. Одно занимало почти половину неба. Внизу стояли

существа, отдалённо похожие на людей, но рядом с ними художник изобразил светящиеся фигуры без лиц.

Следующая часть была повреждена.

Дальше светящиеся существа уже находились среди людей.

Одно словно входило в человеческое тело. Другое стояло рядом. Третье покидало лежащего человека.

Брат долго рассматривал изображение.

— Так это те же самые?

— Наверное, — ответил Орикс.

— Что значит «наверное»? Ты же читаешь надписи.

— Читать и знать — разные вещи.

Котор одобрительно кивнул.

— Наконец-то разумная мысль.

Орикс улыбнулся.

На следующей стене люди поклонялись существу, окружённому сиянием. Через несколько метров почти такая же фигура уже имела крылья. Ещё дальше вместо крыльев появились языки огня.

Котор остановился.

— Вот это интересно.

Он подошёл ближе.

— Один образ, но три разных периода. Сначала никакой религиозной символики. Потом крылья. Потом огонь.

— И что? — спросил Брат.

— Люди перестали понимать, что изображают. Начали изображать то, что уже рассказывали.

Сынок вспомнил слова Орикса.

Истории появляются после того, как люди забывают, что произошло.

Котор продолжал рассматривать стену.

— В разных традициях таких существ называли бы по-разному. Учителями. Духами. Посланниками. Где-то богами. Позднее кто-нибудь обязательно приделал бы им крылья.

— Почему крылья? — спросил Орикс.

Котор внимательно посмотрел на него.

— Потому что они приходили сверху.

— Но они не летали.

— Откуда ты знаешь?

Орикс указал на самую древнюю часть изображения.

— Здесь нет крыльев.

Котор открыл рот, собираясь ответить, но передумал.

Они двинулись дальше.

Сынок всё меньше воспринимал фрески как религиозные изображения. Скорее это была испорченная временем книга, которую каждое поколение переписывало своими словами. Старые события оставались внутри, но постепенно обрастали новыми смыслами.

И чем дальше они шли, тем меньше становилось понятно, где кончается память и начинается миф.

На одном из следующих изображений светящаяся фигура стояла внутри человеческого тела.

На этот раз художник показал это особенно подробно. Тело было изображено почти прозрачным. Внутри находилось второе существо, гораздо больше самого человека. Оно словно складывалось, чтобы поместиться внутри.

От его головы расходились линии.

Человек держался руками за виски.

Рядом другой уже лежал на земле.

— Они убивали людей? — спросил он.

— Иногда, — ответил Орикс.

— Зачем тогда люди их впускали?

— Иногда не спрашивали.

— А иногда?

Орикс посмотрел на следующую часть фрески.

Там человек с находящимся внутри существом стоял перед толпой. В одной руке он держал предмет, похожий на посох. Вокруг него были изображены несколько кругов, а над головой — звёзды.

— Иногда человеку было нужно то, что умел другой.

Брат подошёл ближе.

— А что они умели?

— Больше.

— Очень содержательно.

— Ты спрашиваешь очень широко.

Брат постучал палочкой по ладони.

— Хорошо. Например?

Орикс задумался.

— Видеть дальше. Помнить дольше. Иногда менять то, что человеку казалось неизменным.

Сынок посмотрел на изображённые вокруг фигуры круги.

— Пространство?

Орикс задержал на нём взгляд.

— Наверное.

Сынок уже знал, что это его любимый ответ.

Котор тем временем читал знаки под фреской.

— Здесь опять это слово.

— Какое? — спросил Сынок.

— Леруйцы.

Орикс кивнул.

Котор прошёл вдоль стены.

— Но вот дальше надпись другая.

Изображения действительно менялись. Светящиеся существа больше не находились поодиночке. Их становилось много. Они стояли рядом с людьми, участвовали в строительстве огромных сооружений, окружали какие-то механизмы, а потом появлялись сцены войны.

На одной из них человеческие фигуры с Леруйцами внутри сражались с существами, которых художник почти не пытался сделать похожими на людей.

— Это тоже Леруйцы? — спросил Брат.

Орикс покачал головой.

— Нет.

— А кто?

Орикс некоторое время смотрел на изображение.

— Другая история.

Котор усмехнулся.

— У вас здесь всё другая история.

— Их было много.

Юноша задержался у фрески. Противники Леруйцев были изображены почти чёрными. У некоторых имелось несколько конечностей, другие напоминали огромных животных, третьи вообще не имели определённой формы.

Почему-то смотреть на них было неприятно.

У края фрески стоял одинокий великан. Чёрные существа были обращены к нему, а от его рук тянулись линии к их телам. Под ногами сохранилась короткая надпись.

— Расет, — прочёл Котор.

Сынок повторил имя про себя. По рисунку нельзя было понять, сражается великан с этими существами или ведёт их за собой.

Он пошёл дальше.

Спираль вывела их на открытую галерею.

Метель закончилась.

Это произошло настолько неожиданно, что Сынок сначала решил, будто они вышли на другую сторону горы. Снег всё ещё падал где-то далеко внизу, закрывая долину белой пеленой, но над храмом открылось совершенно чистое небо.

Солнце уже клонилось к горизонту.

Вершины вокруг горели красным светом.

Сынок остановился.

Теперь он впервые увидел место целиком.

Горные цепи уходили одна за другой до самого горизонта. Между ними лежали долины, почти полностью скрытые облаками. Некоторые вершины поднимались прямо из белого моря.

И храм.

Он действительно был похож на змею.

Каменное тело начиналось далеко внизу, несколько раз оборачивалось вокруг горы и поднималось всё выше. Иногда оно исчезало внутри скалы, потом снова выходило наружу. Отдельные участки были построены в разные эпохи, но всё сооружение сохраняло одну общую линию.

Сынок вспомнил картины Рериха.

Синие горы. Невозможный свет. Место, которое существует где-то между географией и легендой.

— Это Шамбала? — спросил он.

Орикс остановился.

— Иногда.

Сынок снова посмотрел на него.

— Что значит иногда?

— Для тебя сейчас — да.

— А для тебя?

— Дом.

Котор подошёл к краю галереи.

— Шамбала никогда не была конкретным монастырём.

Орикс посмотрел на него с интересом.

— Правильно.

Котор обернулся.

— Что правильно?

— Не монастырь.

— Тогда что?

Орикс показал на горы.

— Путь.

Брат вздохнул.

— Опять началось.

Орикс рассмеялся.
Но едва они шагнули за галерею, улыбка исчезла с лица Орикса.

ГЛАВА 5. ТОТ, КТО ДОЖДАЛСЯ

За галереей начиналась самая древняя часть храма.

Здесь уже почти не было поздних рисунков. Стены покрывали глубокие барельефы.

На одном Сынок снова увидел пять фигур.

Теперь они были различимы гораздо лучше.

Одна держала нечто похожее на сосуд. Вторая стояла возле человеческого тела. Третья была окружена концентрическими кругами. Четвёртая протягивала руки к множеству маленьких человеческих фигур. Пятая стояла возле огромной двери.

Над ними находилась шестая.

Она была больше остальных.

И вокруг её головы расходились линии, похожие одновременно на лучи и ветви.

Под ней было выбито одно слово.

— Сорокон, — прочитал Орикс.

Сынок повернулся к нему.

— Это имя?

— Да.

— Чьё?

— Сорокона.

Брат фыркнул.

— Спасибо.

Котор приблизился к барельефу.

— Он главный?

Орикс задумался.

— Остальные его слушали.

— Значит, главный.

— Не всегда тот, кого слушают, главный.

— А кто он?

Орикс посмотрел на фигуру.

— Один из первых.

— Где он сейчас?

На этот раз Орикс ответил не сразу.

— Спит.

Сынок посмотрел на каменное изображение.

— Здесь?

— Где-то.

— Его можно разбудить?

Орикс лишь пожал плечами.

— Наверное.

Брат тихо сказал:

— Только не начинай.

Орикс улыбнулся.

Сынок ещё несколько мгновений смотрел на Сорокона.

Почему-то ему показалось странным, что Орикс не задаёт никаких вопросов об этом существе. Он рассказывал о нём с тем же спокойствием, с каким раньше рассказывал об антилопе возле разбившегося самолёта.

Но спрашивать Сынок не стал.

Дальше находилось другое изображение.

Город.

Сынок узнал его сразу.

Высокие сооружения без окон. Башни, соединённые переходами. Огромные площади. И множество маленьких человеческих фигур, изображённых почти прозрачными.

Город-призрак.

— Это он, — сказал Брат.

Котор подошёл ближе.

— Не может быть.

— Мы там только что были.

— Я вижу.

В центре города стояла тёмная фигура.

У неё не было лица.

Не было даже определённого тела. Камень вокруг неё был обработан так, словно фигура постоянно меняла форму.

Сынок ощутил неприятный холод, хотя внутри храма было тепло.

Он вспомнил мальчика.

И тёмный силуэт рядом с ним.

— Кто это?

Орикс посмотрел на изображение.

— Етимир.

Имя прозвучало тихо.

— Он Леруец? — спросил Сынок.

— Был.

Котор резко повернулся.

— Был?

Орикс кивнул.

— Очень давно.

— А сейчас?

Орикс посмотрел на тёмную фигуру.

— Сейчас он Етимир.

Под изображением Города-призрака тянулась ещё одна строка. Восемь коротких отрезков сходились к одному кругу, а затем расходились снова.

— Что здесь написано? — спросил он.

Орикс провёл пальцем над знаками.

— Когда восемь дорог снова зажгутся и круг замкнётся, все смертные, которых забрал Путь, вернутся туда, откуда пришли.

Сынок перевёл взгляд на тёмную фигуру в центре города.

— Вернутся живыми?

Орикс перечитал строку.

— Здесь этого нет.

— Но вернутся?

— Если путь будет завершён.

Сынок запомнил именно эти слова. Всё остальное — отсутствие ответа, странную оговорку и лицо Котора — он тогда решил не замечать.

Он хотел спросить ещё, но Брат вдруг поднял руку.

— Тихо.

Все замолчали.

— Что?

Брат не ответил.

Он достал вторую палочку.

Постучал одной о другую.

Раз.

Звук ушёл вдоль каменного коридора.

Вернулся слабым эхом.

Брат ударил снова.

Раз.

Раз-два.

Остановился.

— Что ты делаешь? — спросил Котор.

— Здесь что-то звучит.

— Мы в каменном храме. Здесь всё звучит.

— Нет.

Брат приложил ладонь к стене.

— Не эхо.

Юноша прислушался.

Сначала ничего.

Потом почувствовал.

Не услышал.

Именно почувствовал.

Очень слабая вибрация проходила через каменный пол.

Ровная.

Медленная.

Как далёкий пульс.

Орикс впервые за всё время перестал улыбаться.

— Пора.

— Куда? — спросил он.

Орикс пошёл вперёд.

Коридор закончился массивной дверью.

За ней находилась лестница, ведущая вверх.

Они поднимались долго. Вибрация становилась сильнее с каждым пролётом. Брат больше не убирал палочки. Иногда он тихо отбивал ими услышанный ритм.

Котор всё чаще оглядывался.

Сынок заметил ещё одну странность.

На стенах больше не было никаких фресок.

Только пять повторяющихся знаков.

Наконец лестница закончилась.

Орикс открыл последнюю дверь.

За ней находился балкон.

Сынок сделал несколько шагов и остановился.

Едва его ладонь легла на каменные перила, далёкий пульс сбился. Один тяжёлый удар пришёл раньше времени, второй отозвался уже под пальцами, словно вибрация прошла не через пол, а через него самого.

Орикс посмотрел не вниз, в зал, а на Сынка.

Под ними лежал огромный круглый зал, занимавший, казалось, всю внутреннюю часть горы. Потолок терялся высоко во тьме. По стенам уходили вверх кольца галерей.

В центре пола находился круг.

Внутри него сидели пять монахов.

Они не двигались.

Перед каждым горел маленький огонь.

Больше в зале не было никого.

— Они нас ждали? — тихо спросил он.

— Нет, — ответил Орикс.

— Тогда кого?

Орикс посмотрел вниз.

— Того, кто должен прийти.

— Почему именно сейчас?

Орикс снова взглянул на руку Сынка, лежавшую на камне.

— Раньше Путь их не слышал.

— А теперь?

— Теперь услышал.

В этот момент первый огонь погас.

Монах в центре круга открыл глаза.

И заговорил на языке, которого Сынок никогда прежде не слышал.

* * *

Сначала изменился голос монаха.

Он сидел неподвижно, но звук, вышедший из его рта, не принадлежал человеку. Слишком низкий, многослойный, будто одно слово одновременно произносили несколько существ с разной высотой голоса. Смысл ускользал, однако интонация была спокойной.

Второй монах открыл глаза.

Потом третий.

Огонь перед каждым гас один за другим.

Брат медленно убрал палочки в карман.

Котор перегнулся через перила, пытаясь разглядеть происходящее лучше.

— Что они говорят?

Орикс не ответил.

Внизу четвёртый монах резко вдохнул. Его спина выгнулась, пальцы сжались, затем всё тело расслабилось. Когда он поднял голову, Сынок осознал, что смотрит уже не на того человека, которого видел минуту назад.

Лицо осталось прежним.

Но взгляд изменился.

Не стал злее или умнее. Просто возраст человека вдруг перестал иметь значение. Молодое лицо смотрело глазами того, кто помнил гораздо больше одной человеческой жизни.

То же происходило с остальными.

Один старик выпрямился так легко, словно никогда не чувствовал тяжести собственного тела. Другой несколько секунд рассматривал свои ладони, сгибая пальцы.

— Они вошли, — тихо сказал Орикс.

Сынок вспомнил фрески.

— Леруйцы?

Орикс кивнул.

Пятый монах открыл глаза последним.

В ту же секунду по залу прошла вибрация.

Не звук. Скорее давление, от которого заложило уши.

Пятеро заговорили одновременно.

Теперь их речь напоминала спор.

Один задавал короткие вопросы. Другой отвечал длинными фразами. Третий несколько раз повторил одно слово, и Сынок различил его даже без перевода:

— Етимир.

В центре круга потемнело.

Сначала Сынок решил, что это дым от погасших огней. Но тень не поднималась вверх. Она собиралась сама в себя, становилась плотнее, будто пространство в одном месте начинало терять свет.

Из пола поднялся чёрный столб.

Его поверхность бурлила.

Иногда внутри вспыхивали белые нити, похожие на молнии под водой. Верхняя часть вытянулась, намечая голову и плечи.

Получился человек.

На несколько мгновений.

Потом лицо провалилось внутрь, руки удлинились, спина выгнулась. Силуэт стал похож на животное. Через мгновение возникла огромная безглазая морда, затем несколько человеческих лиц, наложенных одно на другое.

Все лица поворачивались в разные стороны, но каждое следующее останавливалось чуть ближе к балкону. Наконец тёмная масса подняла голову и посмотрела прямо на Сынка.

Пять Леруйцев замолчали одновременно.

Орикс тихо произнёс несколько слов, которых Сынок не понял. Ответил ему один из монахов. В его голосе впервые прозвучало удивление.

— Что он сказал? — спросил Сынок.

— Что порядок нарушен.

— Какой порядок?

Орикс посмотрел на тень в центре зала.

— Сфера должна была проснуться раньше Етимира.

— Почему не проснулась?

— Тот, кто должен был её разбудить, всё ещё спит.

Сынок вспомнил повторявшееся имя.

— Сорокон?

Орикс не ответил.

Один из Леруйцев произнёс ещё одну фразу.

— Теперь Етимир должен открыть сферу сам, — перевёл Орикс.

— А ты?

— Я войду в город позже.

— Когда?

Орикс некоторое время слушал голоса монахов.

— Когда Етимир вернётся с тем, что должен забрать.

— И что он должен забрать?

— Если вернётся, увидишь.

Орикс снова прислушался.

— Они звали Етимира раньше, — добавил он. — Но раньше он не видел дороги.

— А теперь увидел?

Орикс посмотрел сначала на него, затем на собравшуюся в круге тень.

— Он увидел тебя.

— Это Етимир? — спросил он.

— Сейчас — да, — ответил Орикс.

— А потом?

— Тоже.

Сынок даже не стал уточнять.

Етимир не стоял в центре зала.

Он словно пытался стоять.

Каждая форма держалась несколько мгновений и распадалась. Человек, зверь, старик, ребёнок, нечто с длинными конечностями, облако света, снова человек.

И вдруг Сынок узнал лицо.

Мальчик.

Тот самый, который подбегал к нему в городе-призраке.

Он появился внутри Тени всего на секунду.

Сынок схватился за перила.

— Это он.

— Кто? — спросил Брат.

Но образ уже исчез.

Следом возник другой.

Высокая тёмная фигура.

Сынок не видел её прежде, но сердце всё равно забилось быстрее. В наклоне головы было что-то знакомое, хотя лицо ещё не успело собраться.

Он начинал понимать, что все эти образы могли быть не отдельными призраками.

Они могли быть одним существом.

Пять Леруйцев продолжали разговор.

Орикс слушал.

— Они спрашивают, помнит ли он путь.

— Какой путь?

— Тот, который должен пройти.

— Куда?

Вместо ответа Орикс пожал плечами.

— Они не спрашивали куда.

Внизу Етимир ответил одной короткой фразой.

— Что он сказал?

— Что дорогу невозможно забыть.

Котор смотрел на происходящее, почти не моргая.

— Я понимаю отдельные слова.

Юноша повернулся к нему.

— Ты знаешь этот язык?

— Нет.

— Тогда как?

— Не знаю.

Котор нахмурился, будто сам был раздражён собственным ответом.

Один из Леруйцев произнёс длинную фразу.

Орикс перевёл:

— Они спрашивают, сможет ли Етимир провести того, кого принесут.

— Кого принесут?

— Не сказали.

— Куда провести?

Орикс показал рукой куда-то вниз.

— Через город.

Брат первым понял:

— Город-призрак?

Орикс кивнул.

Етимир снова заговорил.

Его голос не исходил из одного места. Он появлялся то под потолком, то прямо за спиной, то внутри головы.

— Что он отвечает?
— Проведу.
Одно слово в речи Леруйцев повторилось несколько раз.
Сорокон.
Сынок вспомнил барельеф.
— Они говорят о Сороконе?
Орикс кивнул.
— Что именно?
Орикс некоторое время слушал.
— Что он спит.
— Где?
— Там, где ему не больно.
— Это вообще место?
— Для него — да.
Котор посмотрел на Орикса, но тот уже снова слушал разговор.
Один из пяти Леруйцев поднялся.
Посмотрел прямо на балкон.
Сынок почувствовал, как по спине прошёл холод.
Потом второй.
Третий.
Через несколько секунд все пятеро смотрели на них.
Етимир продолжал меняться в центре зала.
Орикс тихо сказал:
— Они вас увидели.
— Очень своевременно, — пробормотал Брат.
Первый Леруец произнёс несколько слов.
— Что?
Орикс посмотрел на Котора.
— Один должен вспомнить.
Котор ничего не сказал.
Следующая фраза.
Орикс перевёл:
— Один должен услышать.
Брат машинально коснулся кармана с палочками.
Потом Леруец посмотрел на Сынка.
Фраза была короткой.
Орикс долго не переводил.
— Ну?
— Один должен решить.
Сынок почувствовал раздражение.
— Вы здесь все помешаны на загадках?
Орикс неопределённо повёл плечом.
— Возможно.
— А ты?
Орикс посмотрел вниз, туда, где бурлил Етимир.
— Мне надо проснуться.
Сынок задержал на нём взгляд.
— Ты опять это говоришь.
— Значит, важно.

Внизу внезапно наступила тишина.

Етимир перестал меняться.

Его форма начала медленно собираться в человеческую.

Сначала ноги.

Тело.

Руки.

Лицо оставалось расплывчатым.

Фигура повернулась к балкону.

К Сынку.

Он почувствовал странное давление в груди. Не страх. Что-то другое — почти узнавание.

Етимир сделал шаг.

Лицо стало чётче.

Сынок перестал дышать.

На мгновение ему показалось, что он видит Отца.

Не полностью.

Поворот головы.

Линию плеч.

То, как человек чуть наклонился вперёд перед тем, как что-то сказать.

— Папа?..

Брат резко посмотрел на него.

Фигура распалась.

Вместо человека возникло огромное животное, затем белая вспышка, затем снова тень.

— Что ты сказал?

Сынок продолжал смотреть вниз.

— Ничего.

Етимир ещё несколько мгновений оставался в центре зала.

Один из Леруйцев произнёс последнюю фразу.

Тень ответила.

Орикс перевёл тихо:

— Он говорит, что призыв завершён. Время началось.

Етимир рассыпался.

Не исчез мгновенно, а развалился на тысячи тёмных частиц, которые поднялись вверх, как вода фонтана, вдруг забывшая о силе тяжести.

Сынок перегнулся через перила, но пол в центре круга закрыли поднявшиеся тёмные частицы и одежды монахов.

Сквозь шорох ткани донёсся знакомый металлический звон.

Цинг. Цинг. Цинг.

Что-то небольшое и твёрдое несколько раз ударилось о камень и укатилось в сторону. На миг среди тёмных частиц блеснули металлические грани. Сынок перегнулся через перила, но монахи уже сомкнули круг и закрыли предмет одеждами.

Только Орикс, стоявший ближе к лестнице, продолжал смотреть на то место. Он наклонился, словно поправляя обувь, и выпрямился уже со сжатой ладонью.

Через несколько секунд круг был пуст.

Пятеро монахов одновременно согнулись.

Из их тел вырвались тонкие светлые силуэты.

Юноша увидел их всего на миг.

Пять фигур поднялись над людьми, задержались под потолком и растворились.

Монахи остались сидеть.

Обычные старые и молодые люди.

Уставшие.

Молчаливые.

Орикс улыбнулся.

— Теперь можно спускаться.

* * *

Когда они вошли в зал, пятеро монахов уже стояли.

Никто из них не выглядел так, словно несколько минут назад внутри его тела находилось другое существо. Только один держался рукой за стену, другой тяжело дышал.

Сынок подошёл ближе.

— Это были Леруйцы?

Старший монах посмотрел на него.

— Так их называли когда-то.

— А Етимир?

— Остался тем, кем должен был остаться.

Сынок ощутил знакомое раздражение.

— И что это значит?

Монах улыбнулся.

— Что он дождался.

— Чего?

— Начала пути.

Котор вмешался:

— Какого пути?

— Того, ради которого вы сюда пришли.

— Мы сюда вообще не собирались.

— Это редко имеет значение.

Брат тихо сказал:

— Кажется, они с Ориксом учились отвечать у одного преподавателя.

Орикс улыбнулся.

Монахи начали собирать лежавшие возле круга вещи. Простые мешки, свёртки, одежду.

Сынок заметил это первым.

— Вы куда-то уходите?

— Да.

— Все?

— Наша задача здесь закончена.

— Какая задача?

Старик посмотрел на пустой круг, где появлялся Етимир.

— Дождаться этого дня.

Котор подошёл ближе.

— Вы ждали сотни лет?

— Мы — нет.

Монах помолчал.

— Но те, кто были до нас, ждали.

— И теперь?

— Теперь идти должны мы.

— Куда?

Старик посмотрел на Орикса.

— Каждый по своему пути.

Сынок понял, что разговор снова превращается в набор красивых фраз, и решил спросить единственное, что действительно имело значение.

— Вы знаете, где мой Отец?

Монахи перестали двигаться.

Даже Орикс посмотрел на него.

Старик ответил не сразу.

— Нет.

Ответ оказался настолько простым, что Сынок почувствовал почти физическое разочарование.

— Тогда зачем я здесь?

— Потому что Етимир знает.

Он поднял голову.

— Где мой Отец?

— Етимир покажет.

— Когда?

— В конце пути.

— Какого ещё пути?

Монах улыбнулся.

— Если бы ты уже знал дорогу, тебе не нужен был бы проводник.

Сынок хотел спорить, но остановился.

Етимир.

Странная Тень.

Существо, в котором на мгновение ему почудился Отец.

Если это был не обман собственного сознания, тогда впервые после исчезновения Отца у Сынка появилась настоящая нить.

Пусть тонкая.

Пусть непонятная.

Но нить.

— Как снова найти Етимира?

— Он найдёт тебя.

Монахи один за другим пошли к выходу.

Сынок смотрел им вслед.

— Всё? Вы просто уходите?

Один из младших обернулся.

— Иногда закончить ожидание труднее, чем начать дорогу.

Через несколько минут зал почти опустел.

Орикс остался.

— А ты?

— Пока здесь.

— Почему?

— Я ещё не проснулся.

Брат засмеялся:

— Конечно.

Орикс повёл их вниз по другому коридору.

На этот раз они не поднимались по спирали. Напротив, путь уходил в глубину горы. Камень становился всё более гладким, исчезали окна, фрески и любые признаки монастыря.

Наконец Орикс остановился возле круглой двери.

— Здесь попрощаемся.

Сынок удивился.

— Мы же только пришли.

— Да.

— И всё?

— Нет.

— Тогда почему прощаемся?

Орикс улыбнулся.

— Потому что сейчас вы уйдёте.

— Куда?

— Не знаю.

Брат посмотрел на него.

— Очень обнадёживает.

— Мы ещё увидимся.

— Это тоже не знаешь или уже знаешь?

Орикс задумался.

— Знаю.

— Откуда?

— Потому что мы ещё не закончили разговор.

Он открыл дверь.

За ней находилась круглая комната.

Юноша остановился на пороге.

Слишком знакомая.

Пол был покрыт геометрическими знаками. Те же треугольники, круги и линии, которые они видели под музеем. На стенах располагались символы, похожие на те, что Сестра перерисовывала из дневника.

Даже камень был похож.

— Это часть пирамиды? — спросил он.

Котор осмотрел помещение.

— Нет.

— Тогда почему одинаково?

— Возможно, не одинаково. Возможно, это один язык.

Орикс стоял за дверью.

— Подожди.

Орикс протянул Сынку небольшой тёмный предмет. Тот оказался тяжелее, чем выглядел. Неправильный многогранник размером с половину ладони покрывали тонкие символы, а внутри камня тускло блестели металлические прожилки. Несколько граней едва заметно двигались относительно друг друга.

— Вы обронили.

— Это не моё.

Орикс посмотрел на двигавшиеся грани.

— Значит, ещё не ваше.

— Что это?

— Здесь его называли талисманом.

— А на самом деле?

Орикс улыбнулся:

— Талисманом.

Сынок повернул предмет. Камень оставался неестественно холодным, словно появился не в тёплом храме, а только что пролежал много лет среди льда или в пустоте.

— Это ключ?

— Ключ открывает дверь. Это поможет понять, какую дверь открывать.

— Как?

— Не знаю. Мне велели отдать его тому, кто спросит о решении.

Сынок хотел уточнить, кто велел, но Орикс уже кивнул в сторону комнаты.
— Идите.
Котор первым вошёл.
Брат последовал за ним.
Сынок задержался.
— Ты точно не идёшь?
— Нет.
— Почему?
Орикс неопределённо повёл плечом.
— Это ваша дорога.
— А твоя?
— Потом.
Сынок хотел спросить ещё что-то, но дверь начала закрываться.
— Орикс!
Тот просунул голову в оставшуюся щель.
— Да?
— Что значит «решить»?
Орикс улыбнулся.
— Когда узнаешь, не спрашивай меня.
Дверь закрылась.
Внутри стало темно.
Несколько секунд ничего не происходило.
Потом вспыхнул первый факел.
Следом второй.
По кругу один за другим загорелись десятки огней.
Символы на полу начали светиться.
Брат поднял голову.
— Тихо.
— Что теперь?
— Слышишь?
Сынок прислушался.
— Ничего.
— Именно.
Брат достал палочки.
Ударил ими друг о друга.
Звук получился обычным.
Потом коснулся одной палочкой стены.
Тихий звон.
Ещё раз.
Другой символ.
Другой звук.
— Это ноты.
Котор опустился на колено возле одного из знаков.
— А это…
Он провёл рукой над линиями.
— Я видел похожие последовательности на шумерских ритуальных табличках. Не эти символы. Принцип. Повторение, поворот, возвращение к исходной точке.
— Ритуал?
— Или инструкция, которую люди приняли за ритуал.

Сынок почти не слушал.

Он смотрел на пол.

Отдельные символы исчезали.

Вернее, он переставал видеть их как символы.

Линии соединялись.

Круги становились сечениями.

Треугольники — проекциями.

Комната словно раскрывалась перед ним в иной форме.

Сынок вспомнил модель Сестры.

Плоский рисунок становился объёмным после сворачивания.

Но здесь этого было мало.

Комнату нужно было представить свернувшейся ещё раз.

Не внутрь пространства.

В другое положение относительно него.

Брат провёл палочкой по трём знакам, от низкого звука к высокому, и повторил последовательность увереннее. Круг на полу вспыхнул, но линия у двери оборвалась. Из щели под ногами выдохнуло жаром.

— Не повторяй, — сказал Сынок.

Он сравнил светящуюся дугу с её отражением на стене. Брат верно расслышал звуки, но принял их высоту за порядок: два знака находились на разных сечениях одного кольца.

— Здесь нужно перейти на другую сторону рисунка.

Брат опустил палочку. На этот раз он дождался, пока Сынок покажет место.

— Брат.

— Что?

— Третий знак после высокого звука.

Брат постучал.

Один символ вспыхнул.

— Ещё.

Короткий.

Длинный.

Два коротких.

Котор начал читать последовательность на стене.

— Здесь повтор. Потом обратное направление.

Брат отбивал ритм.

Юноша называл символы.

Котор находил следующие.

Трое впервые не спорили.

Каждый видел свою часть.

Музыка становилась сложнее.

Символы вспыхивали по всей комнате.

Сынок вдруг почувствовал движение.

Но стены оставались на месте.

Пол не качался.

И всё же что-то двигалось.

Не они.

Пространство вокруг комнаты.

— Стойте, — сказал он.

Брат продолжал ритм.

— Что?

— Мы неправильно поняли.

Котор поднял голову.

— Что именно?

Сынок посмотрел на стены.

— Это не портал.

Последний символ загорелся.

Мир содрогнулся.

Удар пришёл снизу и сбоку одновременно, будто огромное здание на полном ходу врезалось в другое здание.

Сынка отбросило к стене. Факелы погасли. Каменный пол поднялся под ногами, накренился и снова опустился.

За стенами комнаты что-то рушилось.

Сначала раздался протяжный металлический скрежет.

Потом посыпалось стекло.

ГЛАВА 6. ХОСЬКИ

Несколько мгновений никто не двигался.

Факелы снова загорелись.

Брат медленно сел.

— Мы живы?

Котор подошёл к двери.

— Сейчас проверим.

Он толкнул её.

За порогом не было ни монастыря, ни снежной долины.

Там находился старый склад.

Высокие кирпичные стены уходили вверх, к перекрытиям из почерневших чугунных балок. Под потолком раскачивались промышленные лампы. Большинство не горело. Единственная уцелевшая лампа мигала, выхватывая из темноты ряды поваленных стеллажей, деревянные ящики, свёрнутые плакаты и сложенные друг на друга музейные витрины.

Круглая комната Шамбалы заменила собой угол здания.

Древняя каменная кладка врезалась в кирпичные стены пакгауза. Один стеллаж был рассечён ровной вертикальной линией. Половина его исчезла вместе с ящиками. Оставшаяся часть стояла, будто так и была изготовлена.

По бетонному полу прошла трещина. Из неё поднималась белая пыль.

Только теперь, под мигающей промышленной лампой, их одежда стала выглядеть особенно нелепо. Поверх обычных футболок и брюк на Сынке и Брате оставались короткие тёмные куртки неизвестного кроя. Высокие сапоги были покрыты снегом, который не успел растаять даже в тёплом храме. К рюкзаку Сынка были привязаны перчатки и свёрнутая верёвка.

В майских Хоськах всё это сразу бросалось в глаза.

Брат расстегнул куртку.

— Если выберемся, первое, что сделаю, — переоденусь.

Сынок провёл рукой по ткани. После снега, храма и пространственного удара на ней не осталось ни одного разрыва.

— Не выбрасывай. Сестре покажем.

— Она нас сначала спросит, где мы украли костюмы для очень бедной фантастики.

Брат выглянул из-за спины Котора.

— Где мы?

Сынок увидел высокие арочные окна и металлическую табличку на одном из ящиков.

«Хоськийский университет. Музейный фонд».

— Старый речной порт, — сказал он. — Восточная набережная.

Когда-то здесь разгружали зерно, шерсть и металл. В царское время весь правый берег занимали склады, таможня, мастерские и небольшая судоверфь. Позднее порт превратился в промышленный район, а затем почти умер. К 2007 году часть пакгаузов стояла пустой. В остальных разместились архивы, музейные запасники и дешёвые муниципальные конторы.

Этот склад принадлежал городу, но несколько помещений использовал университетский музей.

Сынок бывал здесь с Отцом много лет назад. Тогда его больше заинтересовали старые рельсы возле причала, чем ящики с археологическими находками.

Снаружи завыла автомобильная сигнализация.

Ей ответила вторая.

За окнами плеснула вода. Волна ударила о каменную набережную и откатилась обратно, увлекая щепки и куски штукатурки.

В глубине склада хлопнула дверь.

Послышались торопливые шаги и металлический звон ключей.

— Кто здесь? — крикнул мужской голос. — Что произошло?

Мигающая лампа погасла.

Наступила темнота.

Котор первым вышел из комнаты.

— Нам нельзя оставаться внутри.

— Почему? — спросил Брат.

— Потому что сюда скоро придут.

— Пожарные?

— Если повезёт.

Они перебрались через упавшие стеллажи. Сынок хотел помочь Брату поднять металлическую раму, но тот уже пролез под ней.

Из-за ящиков показался сторож. На нём были расстёгнутая куртка и шерстяная шапка. В одной руке он держал фонарь, в другой — связку ключей.

Луч скользнул по Котору, Брату и остановился на Сынке.

— Вы кто такие?

Никто не ответил.

Сторож направил фонарь дальше.

Свет упал на круглую каменную стену.

Мужчина опустил ключи.

— Этого здесь не было.

— Не подходите к ней, — предупредил Котор.

— Я двадцать лет здесь работаю.

— Тогда вы точно знаете, что её здесь не было.

Снаружи что-то ударилось о землю. С крыши посыпалась черепица.

Сторож вздрогнул и повернулся к окну.

— Землетрясение?

— Можно сказать и так, — ответил Котор.

Они вышли через боковые ворота пакгауза.

Было почти двенадцать.

Над старым портом висела кирпичная пыль. В свете фонарей она напоминала туман. На набережной лежали куски карниза. Старые рельсы, проходившие вдоль складов, выгнуло возле здания. Одна линия уходила в сторону и заканчивалась у каменной стены комнаты.

Жилые кварталы находились дальше от реки. Там одно за другим загорались окна. Люди просыпались, подходили к стёклам и пытались понять, почему дрожала посуда.

В самом порту почти никого не было.

Возле закрытого киоска стояло такси. Водитель вышел и осматривал крышу автомобиля, засыпанную штукатуркой. Двое рабочих появились у дверей котельной. Один держал телефон, но вместо разговора смотрел на экран.

На мосту остановилась машина.

— Время? — спросил Котор.

Брат посмотрел на часы.

— Без трёх минут двенадцать.

Котор перевёл взгляд на комнату, врезавшуюся в пакгауз.

— Значит, они уже здесь.

Котор первым заметил людей на противоположной стороне набережной.

Трое стояли между пакгаузами, там, где узкая дорога выходила к мосту. Коричневые балахоны почти не двигались под ветром. Глубокие капюшоны скрывали лица.

Сынок узнал их.

Такие же фигуры склонялись над ним в разрушенной лаборатории. Они привязали его к тросам и приказали поднимать, когда пол главного корпуса уже проваливался в шахту.

Один из троих поднял голову.

Под капюшоном блеснула металлическая маска.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.